

IV Очередной Всероссийский социологический конгресс

Социология и общество:
глобальные вызовы и региональное развитие

27

Секция 27

**Социология
региональной
политики**

Бедерсон В. Д., Пермь

Герои-«первооткрыватели» в региональной идентичности российского Дальнего Востока как механизм конструирования регионального сообщества

Аннотация

Статья представляет собой краткий анализ региональной идентичности регионов российского Дальнего Востока через призму персоналистских идентификаторов – символических героев. Автор предлагает вывод, что первостепенное значение в идентичности дальневосточных регионов, метафорически описываемых как «острова» или «форпосты», имеют герои-«первооткрыватели»

Ключевые слова: политическая идентичность, региональная идентичность, символические герои, региональное сообщество, политика идентичности

Региональная идентичность регионов российского Дальнего Востока представляет собой идентичность регионов-форпостов России на окраине страны, как бы последних рубежей культуры, определенных ценностей и т. п. России. При этом, верно утверждение, что каждый из регионов может быть метафорически описан как «остров», т. е. территориально-социальное единство, окруженное внешней (очевидно, враждебной) средой, где сохраняется и поддерживается цивилизация и культура «метрополии»¹.

Данное утверждение подкрепляется и отражается в отдельных элементах региональной идентичности дальневосточных регионов, в центре нашего внимания – образы героев в региональной идентичности регионов Дальнего Востока.

В обозначенной «островной» идентичности особую и, пожалуй, первостепенную роль играют «первооткрыватели» этого «острова», т. е. персоналии, сотворившие дело, чтобы «остров» стал частью государственного единства, принял для себя государственные социокультурные формы.

---

¹ См. Бляхер Л.Е. Политические мифы Дальнего Востока // Политические исследования. 2004. № 5. С. 28-39; Бляхер Л.Е. Дальний Восток России: в поисках политической идентификации // Политическая наука. 2005. № 3. С. 104.

Важно отметить, что реальный исторический контекст для героизации персоналии в региональной идентичности не имеет принципиального значения, первостепенны смыслы, которые закладываются в образ героя и которые начинают воспроизводиться в массовом сознании регионального сообщества.

Среди героев-«первооткрывателей» дальневосточных регионов необходимо назвать: Е. Хабарова, С. Дежнева, В. Беринга, И. Крузенштерна, Г. Невельского, Н. Муравьева-Амурского.

Достижение «открытия» не является единственной основной характеристикой героя-«первооткрывателя», собственно таковым героем делает его образ «государственника», т. е. герой не просто «технически» «первооткрывает» регион, но и вписывает в него специфические социокультурные и политические практики, делая регион частью политического государственного пространства. В этой связи из названных исторических персоналий в региональной идентичности большинства регионов Дальнего Востока явно выделяется Н.Н. Муравьев-Амурский¹. Важнейшее место этот герой занимает в идентичности Амурской области, Хабаровского и Приморского краев, между которыми существует латентная борьба за конструирование культа героя. Так, например, независимо друг от друга в Амурской области и Хабаровском крае по распоряжению губернаторов регионов успешным и прилежным студентам выплачивается стипендия имени Н.Н. Муравьева-Амурского². Кроме этого, имя героя запечатлено и в региональной топонимике: в Хабаровске есть памятник Муравьеву и улица в его честь, в Благовещенске, помимо улицы и памятника, именем героя названа областная библиотека, во Владивостоке также есть соответствующая улица, а сам Приморский край расположен на полуострове Муравьева-Амурского.

Герой Муравьев-Амурский в идентичностях трех названных регионов наделяется весьма размытыми и общими характеристиками, как то «выдающийся государственный деятель», «первооткрыватель», «выдающийся сын Отечества» и т. п., что подтверждает мысль о непринципиальности реального исторического содержания героя по сравнению с тем содержанием, которое с его помощью конструируют те или иные агенты идентичности (региональные элиты, интеллектуальные сообщества).

Нельзя не сказать о практике ассоциирования губернаторов названных регионов с деятельностью и героизированной личностью Муравьева-Амурского. Например, названные стипендии вручаются по инициативе и личному указу губернатора Амурской области О. Кожемяко и губернатора Хабаровского края В. Шпорта, об ассоциировании с героем ныне бывшего приморского губернатора С. Дарькина точно говорит цитата одного из его

---

¹ Пирагис А. Петропавловск-Камчатский. Улицы города рассказывают. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.piragis.ru/knigi-po-istorii-kamchatki/petropavlovsk-kamchatsky/pervoprohodstsy-moreplavatelicheny.html> (Дата обращения 23.02.2012).

² Губернатор края поощрил лучших представителей молодого поколения. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.khabkrai.ru/printversion.html?type=news&id=17461> (Дата обращения 23.02.2012).

сторонников: *«Не знаю лучшего примера «эффективного менеджмента». Пожалуй, по масштабам в истории края у него остался один конкурент — граф Муравьев-Амурский»*¹.

Важно отметить то, какое место в конструировании региональной идентичности рассматриваемых регионов уделяется образу Ерофея Хабарова как исторически реальному первопроходцу русского Дальнего Востока. Место это, пожалуй, локализуется только в названии Хабаровск и в памятнике Хабарову в городе его имени. Судьба сложных отношений Хабарова с современной ему верховной российской властью и некоторая независимость действий не позволяют вписывать образ Хабарова в пантеон героев-«первооткрывателей»-государственников Дальнего Востока. Федеральный центр, очевидно, придерживается этой же точки зрения, для массового сознания на пятитысячную купюру был нанесен Хабаровск и памятник Муравьеву-Амурскому, а не Хабарову. Другими словами, «героичность» Хабарова ставится под сомнение (здесь реальный исторический контекст не имеет никакого значения), в связи с тем, что через его образ невозможно провести линию «государственности» для скрепления отдаленных «форпостов» империи с ее Центром.

Другие регионы Дальнего Востока на символический потенциал образа Муравьева не претендуют. Так, в идентичности Камчатского края героизируются «первооткрыватели» С. Дежнев и, особенно, В. Беринг, которому в Петропавловске-Камчатском установлен памятник и именем которого названы улица и Морской университет. Образ Беринга, как и в случае с Муравьевым, актуализируется не столько в связи с его географическими и естественнонаучными достижениями, сколько с «открытием» Камчатки для Петровского государства. В таком фрейме Беринг не столько путешественник, сколько государственный-«первооткрыватель». Подобным образом первопроходцы героизируются в идентичности Чукотского АО. Здесь не отдается явного предпочтения кому-либо из героев, важен сам факт создания некоего культа «первооткрывателя» на основе реальных исторических личностей, имеющих отношение к «открытиям» Чукотки. Весьма показательна цитата из новостного материала с сайта губернатора ЧАО, посвященного презентации регионального проекта «Чукотка — территория открытий»: *«Он (проект — В.Б.) посвящен годовщине открытия Берингова пролива, осуществленного экспедицией Семена Дежнева в 1848 году. Губернатор Чукотского автономного округа Роман Копин является куратором проекта вместе со знаменитым исследователем Арктики и Антарктики, Героем Советского Союза и Российской Федерации Артуром Чилингаровым»*². Показательно не только стремление губернатора ассоциироваться с «первооткрывателями» как прошлого, так и настоящего, но и непринципиаль-

¹ См.: Николай Морозов: Не верил я в Дарькина... а он оказался, как Муравьев-Амурский! [Электронный ресурс]: URL: <http://www.forumdv.info/news/?id=160496> (Дата обращения 23.02.2012).

² См.: Губернатор представил проект «Чукотка – территория открытий». [Электронный ресурс]: URL: <http://www.rkopin-chukotka.ru/news/article.storyid/206.htm> (Дата обращения 23.02.2012).

ность реального исторического содержания (пролив, открытый экспедицией Дежнева на 200 лет раньше Беринга, очевидно, не мог называться на тот момент Беринговым, и, более того, событие это произошло в 1648 году).

В Сахалинской и Магаданской области мы не находим таких ярких примеров актуализации героев-«первооткрывателей» в региональной идентичности. Персоналистская инфраструктура в формате культов героев в Магаданской области практически вообще отсутствует, во многом это объясняется слабой выраженностью самой региональной идентичности: *«В регионе отсутствует четкое понимание относительно того, что объединяет людей кроме общего пространства и лагерного прошлого территории»*¹. В Сахалинской области же предпринимаются некоторые попытки актуализации героев для усиления региональной идентичности: сахалинская «особость» производится в данном случае через имена известных общероссийских писателей, посвятивших часть своего внимания или произведений Сахалину – А. Чехов, В. Пикуль. Характеристика «первооткрывателей» в случае данных героев неявно, но все-таки в некоторой степени тоже присутствует – писатели «открывают» Сахалин для русской культуры, «прикрепляя» остров к ней.

Таким образом, мы можем заключить, что для региональной идентичности большинства регионов Дальнего Востока образ героя-«первооткрывателя» имеет первостепенное значение, при этом герой интуитивно наделяется политическими характеристиками, зачастую оторванными от исторического содержания. Герои-«первооткрыватели» символизируют собой включенность регионов-форпостов в общегосударственный смысловой фрейм, их защищенность, универсальность и, в это же время, особость. Кроме этого, «героизация» исторических персоналий представляет собой целенаправленный процесс конструирования региональной идентичности – актуализации групповой солидарности в отношении чего-либо или кого-либо.

---

¹ Назукина М.В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: дис... канд.полит.наук. – Пермь, 2009.

Библиографический список

1. Губернатор края поощрил лучших представителей молодого поколения. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.khabkrai.ru/printversion.html?type=news&id=17461> (Дата обращения 23.02.2012).
2. Губернатор представил проект «Чукотка – территория открытий». [Электронный ресурс]: URL: <http://www.rkopin-chukotka.ru/news/article.storyid/206.htm> (Дата обращения 23.02.2012).
3. Николай Морозов: Не верил я в Дарькина... а он оказался, как Муравьев-Амурский! [Электронный ресурс]: URL: <http://www.forumdv.info/news/?id=160496> (Дата обращения 23.02.2012).
4. Пирагис А. Петропавловск-Камчатский. Улицы города рассказывают. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.piragis.ru/knigi-po-istorii-kamchatki/petropavlovsk-kamchatsky/pervoprohodtscy-moreplavatelichenye.html> (Дата обращения 23.02.2012).
5. Бляхер Л.Е. Политические мифы Дальнего Востока // Политические исследования. 2004. № 5. С. 28-39; Бляхер Л.Е. Дальний Восток России: в поисках политической идентификации // Политическая наука. 2005. № 3. С. 104.
6. Назукина М.В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: дис... канд.полит.наук. – Пермь, 2009.

Виноградова Э. М., Панкова Т. А., Оренбург

Диагностика состояния гражданского общества в регионе

Аннотация

В статье рассматриваются ряд принципиальных подходов к анализу состояния гражданского общества в регионе. Проблемы гражданского общества рассматриваются населением как экспертиза, в том смысле, что все граждане имеют достаточный опыт, чтобы выступить экспертами. Сравнительный анализ данных позволил определить основные тренды, уточнить понятия и другие аспекты состояния гражданского общества, отраженные в данной статье.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданское участие, гражданская экспертиза сфер жизни, гражданская экспертиза коррупции

Вполне оправдано, что проблемы состояния гражданского общества в регионе изучаются в режиме мониторинга. Мониторинговая методология посредством системного отслеживания массовых настроений и взглядов людей способствует установлению постоянной обратной связи, выработке и реализации упреждающих корректирующих воздействий.

Социологическая информация является весьма важным ресурсом для создания информационных поводов, для аргументации позиции Общественной палаты Оренбургской области по отношению к органам власти, НКО, бизнесу.

Проведенное исследование позволило сделать предварительный анализ оценки качества жизни населения, оценки гражданского участия.

Эмпирической базой исследования являются результаты анкетного опроса населения Оренбургской области по репрезентативной выборке с соблюдением соотношения удельного веса групп населения по четырём базовым критериям: пол, возраст, образование, тип населения.

Было опрошено 450 респондентов. Территории опроса соответствуют выборкам прошлых лет. Дизайн выборки репрезентирует население области по регионам проживания (Центр, Запад, Восток).

Гражданская экспертиза сфер жизни

Основным индикатором социально-экономического развития любой территории является уровень качества жизни населения. В целом качество своей жизни 19% оценили как «плохое», 59% - «удовлетворительное» и 22% - как «хорошее».

Рассмотрим подробнее несколько позиций:

1. Образование включает три ступени: дошкольное, школьное и высшее.

Уровнем дошкольного образования (детские сады, дома творчества, дошкольные классы, студии) удовлетворены (оценки «3» и «4») – 71% опрошенных, не удовлетворены - 29%. По критерию «удовлетворительно» были взяты оценки «3» и «4». Но если «удовлетворительно» это скорее между «2» и «3», то оценить правильней по критерию «хорошо». По этому критерию дошкольным образованием по районам и городам территорий опроса удовлетворены 26%.

Качеством и доступностью общего (школьного) образования не удовлетворены 18% и удовлетворены 33% опрошенных.

Доступность и качество высшего образования 31% оценили «плохо», 20% «хорошо» и 49% «удовлетворительно». Как видим, каждый третий отмечает низкий уровень качества получаемого образования. Жаль, что переход на двухуровневую системы образования (бакалавриат и магистратура) не принесет позитивных качественных результатов.

2. Оценивая данные по удовлетворенности доступностью и качеством медицинской помощи, напомним, что система здравоохранения характеризуется сегодня наличием глубоких экономических проблем, которые воспроизводятся на протяжении последних лет. Не смотря на значительные средства по модернизации здравоохранения, исследование показывает значительные негативные оценки, данные респондентами состоянию системы регионального здравоохранения и медицинской помощи в настоящий период. Лишь 17% опрошенных оценивают его как «хорошее» и «отличное», в то время как основная масса респондентов характеризует медицинскую помощь как среднюю (49%) или плохую (34%).

3. Большую обеспокоенность высказывают респонденты по проблеме доступности жилья и ипотеки и относительно качества услуг жилищно-коммунального хозяйства. Проблема эта не нова:

- доступность жилья и ипотеки 61% респондентов оценили как плохую;
- жилищные условия, их соответствие потребностям 39% опрошенных оценили как «плохие», 21% как «хорошие»;
- благоустройство места жительства – 20% оценили «плохо», 21% – «хорошо»;

- деятельность ТСЖ и управляющих компаний 35% оценили как «плохую», 14% как «хорошую»;

- качество работы ЖКХ только каждый пятый оценил положительно, а 76% - отрицательно.

Основная идея реформы ЖКХ в переходе на экономические методы управления, четком определении роли государства и местного самоуправления в новых условиях, опережающем развитии рыночной инфраструктуры. Соответственно необходимо создать полноценные и эффективные управленческие системы, использующие современные управленческие технологии, сетевое планирование, управление проектами, целевое управление и др.

Далее следует отметить такие позиции качества жизни, получившие низкие оценки, как трудоустройство, возможность найти работу (46%), состояние окружающей среды (45%), состояние дорог, развитие общественного транспорта (45%), ощущение безопасности (32%).

В то же время на «хорошо» оценили доступность спортивных секций, условия для занятий физкультурой и спортом (43%), оптимизм в восприятии будущего (33%), развитие культуры, организация досуга (33%).

В особом анализе нуждается такой индикатор качества жизни как удовлетворенность материальным положением – 28% дали ему оценку «плохо» и 53% «удовлетворительно» (последнее далеко не полная удовлетворенность чем – либо).

Мы измерили качество жизни с помощью простых и наглядных индикаторов, что представляет собой своеобразный «областной аудит».

Характеристика сегодняшнего состояния экономики региона тесно связана с выше приведенными оценками.

На этом фоне совсем неоднозначно респонденты дали прогноз изменений уровня жизни.

Процент оптимистов считающих, что ситуация улучшится не высок: 15% по массиву.

Достаточно большое число консерваторов, считающих, что уровень жизни практически не изменится (не к лучшему, не к худшему) – 49%. Это, на наш взгляд, здоровый консерватизм, не такой острый и болезненный, как в кризисные годы. Уставшие от бесконечных потрясений оренбуржцы восприняли экономическую стабилизацию как особо ценное благо. В оценках этой позиции с одной стороны неверие в возможность изменений к лучшему, с другой – желание стабильности.

Оценка материального положения

Удовлетворенность жизнью в целом не исключает неудовлетворенности отдельными ее сторонами. Значительное число респондентов, многие из которых довольны своей жизнью в целом, в то же время не удовлетворены материальной стороной своего существования.

Анализ показал, что еще высок удельный вес семей, кто характеризует материальное положение своей семьи как «плохое» и «очень плохое».

Дифференциация оценок материального положения дает сведения о том, как чувствует себя «микрoэкономика», экономика домохозяйств, которая продолжает оставаться для населения наиболее проблемной сферой.

Содержательные характеристики состояния материального положения выглядят следующим образом (в %):

- высокое – 2% (материальных трудностей нет);
- сравнительно высокое 8% (можем без труда приобрести вещи длительного пользования, хотя некоторые покупки «не по карману»);
- среднее 49% (денег хватает лишь на основные продукты, одежду, лекарства);
- низкое – 29% (денег не хватает на основные продукты и одежду);
- очень низкое – 10% (живем в крайней нужде).

За последний год (2011) материальное положение респондентов существенно изменилось. Оно ухудшилось у 29,1%, практически не изменилось у 58,6 %, и улучшилось у 9,7%.

Мужчины чаще отмечают, что материальное положение не изменилось, женщины, что ухудшилось.

Явления недовольства условиями материальной жизни весьма широко распространены среди мужчин и женщин разного возраста. Но в наименьшей степени они характерны молодым людям, в особенности учащимся профтехучилищ, техникумов, колледжей, вузов. Хотя нельзя не заметить, что среди молодого поколения уровень удовлетворенности своим материальным положением остается невысоким. Это вызвано не только материальными трудностями жизни молодых людей, но и возросшим уровнем их материальных притязаний. Не зная или не помня тягот экономических лишений прошлого и воспринимая как нечто само собой разумеющееся новые стандарты качества жизни, молодые люди проявляют особую требовательность к материальным условиям своего существования.

Немаловажное значение в данном случае имеет повышенная склонность молодых людей к сопоставлению своего уровня жизни с уровнем жизни наиболее обеспеченных категорий населения в связи с размыванием прежней социальной изолированности и приобщением все новых слоев к более высоким моделям и стандартам материального потребления. Если в прошлом в пору молодости нынешних старших поколений, потребительские стандарты формировались преимущественно в рамках замкнутой и довольно однородной социальной среды, то сегодня самое непосредственное воздействие на материальные запросы молодых людей оказывает образ жизни представителей других социальных групп, занимающих высокое материальное положение.

С возрастом уровень удовлетворенности материальным положением постепенно снижается, но после 55 лет (начало выхода на пенсию по возрасту для женщин) опять возрастает. Одной из главных причин этого роста стано-

вятся регулярные выплаты пенсий и социальных пособий пожилым людям. Особенно велика доля лиц, ощущающих материальный достаток, среди работающих пенсионеров, обладающих довольно высоким потенциалом для адаптации к динамично меняющимся социально-экономическим условиям. Вызывает интерес и тот факт, что степень удовлетворенности материальным положением практически не зависит от уровня образования и места проживания респондентов. Это объясняется общими низкими показателями недовольства населения уровнем своего материального благосостояния, нивелирующими как групповые, так и многие внутригрупповые отличия.

Гражданская экспертиза сфер жизни включает также оценки местным органам власти, населению и журналистам за участие в решении общественных проблем и формам такого участия.

Прежде всего, отмечается много плохих и удовлетворительных оценок: за осведомленность местных органов власти о мнении населения о проблемах только 7% ставят «хорошо», а 43% «плохо»; за учет мнений населения в своей деятельности всего 6% ставят «хорошо» и 45% «плохо». Более половины респондентов (51%) считает, что принятые решения не совпадают с мнением людей, а критические высказывания журналистов не учитываются в деятельности власти (42%).

Треть опрошенных оценивают неудовлетворительно участие журналистов в решении общественных проблем. Но и сами члены гражданского общества, население дает оценки себе за участие в решении общественных проблем по отдельным формам участия невысокие: за активность в выражении мнений о проблемах 12% поставили «хорошо», 34% «плохо», за открытость в выражении мнений 17% - «хорошо», 35% - плохо, за конструктивность и деловитость предложений 11% «хорошо», 43% «плохо». Видимо в этом кроется одна из причин не конструктивного характера митингов, прошедших после выборов в Госдуму в нашем регионе.

Оценка работы органов местного самоуправления в исследовании давалась через анализ обращений и удовлетворенность этими обращениями. Существует точка зрения, что в органы власти люди перестали обращаться. Проведенное исследование это мнение если и подтверждает, то лишь отчасти. На вопрос «Приходилось ли Вам за последний год обращаться в органы власти, редакции СМИ и т. п. по каким либо причинам?» отрицательно ответили 65% опрошенных и 35% - положительно. Можно сказать, что реальные практики обращений респондентов в органы власти, СМИ и т. д. распространены довольно широко. Конкретно респонденты обращались: в общественные приемные 12%, к депутатам – 7%, к работникам госорганов и муниципальных органов 14%, писали письма в редакции газет, радио, телевидения 6%. Цели обращения: решение личных вопросов 26%, с предложениями об улучшении положения дел 18%, решения общественного вопроса, проблемы по существу – 15%, сообщение информации - 8%; получение совета 7%, получение справки, документов, подача заявлений 28%.

По результатам обращений следует отметить, что доля позитивных и негативных откликов примерно одинаковы – 32% респондентов, обратившихся в ту или иную инстанцию, остались удовлетворены, 40% - нет, а 20% в одних случаях были удовлетворены, в других нет.

Обращает на себя внимание, что около 60% опрошенных считает, что большое число обращений – результат недоработки власти, по 10% – с одной стороны «высокий уровень доверия к власти», с другой, социальное иждивенчество.

Гражданская экспертиза деятельности общественных организаций

Опрос выявил значительную связь между информированностью о деятельности общественных организаций и влиянием, которое они оказывают на общество и гражданское сознание.

За последний год не произошло резкого повышения информированности граждан о деятельности общественных организаций. Снизилась ангажированность общественных организаций по отношению к власти (с 51% до 43%), снизились оценки роли общественных организаций в решении конкретных проблем (с 28% до 18%).

В то же время следует отметить, что значительная часть (42%) согласна с тем, что общественные организации привлекают внимание к самым важным проблемам. У респондентов сохраняется ощущение того, что общественные организации способны лишь на разовые дела (48%).

Респонденты далее оценивали влияние общественных организаций на общество и гражданское сознание населения.

Как и в исследовании 2007-2009 годов, респонденты считают наиболее полезными те организации, о которых больше знают. В зоне значительного влияния находятся религиозные организации, политические партии, правозащитные организации, детские организации, культурно-просветительские организации, национально-культурные организации. Но общественным организациям ещё предстоит проработать для консолидации общества, это касается профсоюзов, общества инвалидов, женских организаций, инициативных групп по месту жительства, чтобы обеспечить активное участие граждан в жизни своего сообщества.

Следовательно, анализ показал, что необходимо увеличить общественное влияние на все сферы жизни в регионе, в условиях выборов усиление роли общественных организаций будет играть определенную роль в избирательном процессе. Некоторые выводы можно сделать путем анализа процесса формирования гражданского общества через систему изменений ряда позиций.

Участие в выборах разных уровней и реакция на фальсификацию привели к тому, что респонденты отмечают увеличение (18%) возможности участия граждан в политике и ещё 12% отмечают возможность контроля граждан за деятельностью органов власти. Опрошенные отмечают и такой процесс, как увеличивающийся разрыв между властью и народом (42%) и разрыв между богатыми и бедными (58%), что является также фактором недовольства и причиной выхода людей на митинги.

Гражданская экспертиза коррупции

Сказать, что в стране много делается для борьбы с коррупцией респонденты не могли (5%), и отметили, что результаты не слишком значительны, но все таки есть (32% по массиву). Большинство же склоняется к тому, что результатов нет (54% по массиву).

Среди наиболее коррумпированных государственных и общественных институтов опрошенные в первую очередь называют власть на местах (46%) и правоохранительные органы (33%). Следом идут судебная система (29%), военкоматы (28%), политические партии (18%), Федеральная власть, Правительство (16%), крупный бизнес (15%), торговля (14%).

К структурам меньшей коррупционной интенсивности респонденты относят то, что мало известно о коррупции в СМИ (7%), парламенте (8%), шоу – бизнесе (6%), - главным образом потому, что эти сферы жизни находятся в тени, общество недостаточно знает их обратную сторону. Довольно высока доля респондентов (39%) уверенных, что коррупцией поражено общество в целом.

Традиционно главной причиной коррупции считается слабость и неэффективность государства, что позволяет классу бюрократии конвертировать доверенные им права и полномочия в личное обогащение и обогащение тесно связанных с ними бизнес – структур. Наши респонденты в какой-то степени разделяют эту точку зрения, но жадность, аморальность чиновников и бизнесменов и несовершенство законов – все же считают главными причинами коррупции.

Существует точка зрения, что борьба с коррупцией в современном обществе затруднена тем, что в коррупционные процессы, так или иначе, вовлечено практически все общество. Проведенное исследование это широко распространенное мнение подтверждает, но лишь отчасти. Высокий уровень интенсивности «обмена» услуг на деньги и подарки демонстрируют 20% опрошенных, хотя немало и тех, кому приходилось заниматься этим эпизодически – 44%. Более четверти (29%) утверждают, что им никогда не приходилось давать взятки в виде подарков или денег, тем людям, от которых зависело решение их проблем, затруднились ответить – 8%.

Интересно отметить, что сферы медицины и образования не рассматриваются большинством населения, как «коррупционноёмкие». По всей видимости, оренбуржцы, в отличие от многих аналитиков, не склонны отождествлять коррупцию с укоренившейся системой «благодарения» врачей, преподавателей, учителей и т. д.

Не редко респонденты сталкиваются со случаями вымогательства со стороны представителей разных структур. Вопрос на эту тему был задан всем опрошенным, а затем повторён в опросе экспертов (26 предпринимателей малого и среднего бизнеса).

Со случаями вымогательства встречались опрошенные (часто и иногда) со стороны милиции (полиции) – 25%, налоговой службы – 12%, лицензионного контроля – 10%, Роспотребнадзора – 10%, Ростехнадзора – 9%, противопожарной службы – 9%.

В целом же группа предпринимателей представителей малого бизнеса наиболее часто сталкивались со случаями вымогательства со стороны полиции (63%), противопожарной службы (45%), налоговой службы (42%), лицензионного контроля (26%) Роспотребнадзора (27%). И, наконец, вопрос, который носит экспертный характер.

«Какие, на ваш взгляд, меры необходимо принять для повышения эффективности противодействия коррупции?»

Более 50% респондентов и экспертов поставили на первое место 2 направления – ужесточение наказания/контроля и повышение ответственности должностных лиц. Каждый пятый считает, что нужна нравственно – воспитательная составляющая борьбы с коррупцией – формирование в обществе антикоррупционного стандарта поведения. Следует изменить кадровую политику, провести сокращение государственных служащих. Сегодня главное – деbüroкратизация и нравственное оздоровление властей всех уровней.

В исследовании представилась возможность выявить у руководителей НКО, предпринимателей какие административные барьеры (законы, распоряжения, нормативные документы) объективно усложняют их деятельность.

Контент-анализ открытого вопроса:

1. Отсутствие правовой базы для организации работы НКО.
2. Система налогообложения. Высокие налоги и отчисления пенсионного фонда. Высокие социальные налоги. Налоговое законодательство.
3. Налоговый контроль, сертификация и стандартизация продукции.
4. Закон 94-ФЗ о закупках ввел неразбериху и отодвинул малый бизнес от торгов.
5. Огромный барьер – это налоговая служба и противопожарная служба.
6. Приложение № 1 к приказу Минфина РФ от 08.12.2008 № 137 Н.
7. Большие препятствия для создания своего дела, ещё труднее удержаться.
8. Коррупция и вымогательство – главная проблема.

Небезынтересно проанализировать «насколько продуктивен диалог между властью и гражданским обществом в регионе».

Каждый пятый опрошенный (20%) считает, что реальных взаимоотношений между властью и гражданским обществом нет.

Партнерскими эти отношения считают только 14%. Конфликтными их считают 8%. Характерно, что 50% респондентов затруднились оценить взаимоотношения некоммерческих (общественных) организаций с органами власти.

Обобщая результаты анализа уровня общественной активности, можно отметить следующее. Практически все население области проявляет в той или иной мере, интерес к социальной проблематике и событиям общественной жизни.

В целом, сложившийся уровень общественного участия создает благоприятные базовые условия для проявления более сложных форм активности в условиях формирования гражданского общества.

Деметрадзе М. Р., Москва

Специфика восприятия и реагирования на вызовы глобализационных процессов в традиционных и современных обществах

Аннотация

Процессы глобализации привели к новым проблемам, характеризующимся несоответствием традиционных подходов геополитики (географической детерминации). Принципы модернизации, трансформации, рыночной экономики, конкурентоспособности и т. п. являются неотъемлемой составляющей развития современных обществ, регуляции различных сфер жизнедеятельности индивидов, социально-экономических, правовых и политических институтов.

Ключевые слова: глобализация, модернизация, традиционализм, рынок, конкуренция, неотрадиционализм, псевдомодернизация, качество и стиль жизни, социокультурная среда

Происходящие геополитические процессы последних лет, вызвавшие противостояния Запада и Востока выдвигают целый ряд проблем во взаимодействиях этих субъектов международного права, придание ей качественно новой фазы развития, поиска путей, совместного поиска альтернативных путей преодоления затруднений и т. п.

Кроме того, политический расклад сил этих стран требует уточнения функции каждого из них. Совершенно очевидно, что в результате информационно-телекоммуникационных преобразований традиционное общество постепенно должно трансформироваться в современное информационное общество. Во-вторых, происходит совпавшая с модернизацией смена социально-политических парадигм. **Традиционализм** в экономике — как совокупность существующих хозяйственных форм и институтов сегодня не обеспечивает экономический рост населения, с учетом современных требований.

Следует также учесть, что воспроизводства традиционных форм хозяйственной культуры в рамках таких обществ является органической частью этой системы. Экономический традиционализм подпитыва-

ется традиционализмом в социальной и политической сферах культуры. Практически во всех таких странах присутствуют традиционалистские политические партии и государственные институты, которые ориентированы на самоподдержание и устойчивость. В места рационализма и современных форм политико-правовой культуры, гражданского общества и т. п. здесь ведущее место занимает мифотворчества и иррационализм.

Согласно теориям «догоняющего развития» традиционализм консервативен и формы хозяйствования, используя устаревшие методы производства, обеспечивают простое воспроизводство в среднедушевом исчислении. Однако именно они в большей степени соответствуют представлениям восточного общества, чем ценности модернизации.

Важным фактором устойчивости традиционализма являются наличие благоприятных природно-климатических условий, позволяющие вести отсталое, примитивное хозяйство (к чему люди уже привыкли), ценных полезных ископаемых (нефти на Ближнем и Среднем Востоке, России) и т. п.

С распадом СССР и социалистического блока стран Восточной Европы завершилась эпоха двухполюсного миропорядка, которая базировалась на геополитической структуре холодной войны.

Эти процессы привели к новым проблемам, характеризующимся несоответствием традиционных стандартов жизнедеятельности и установок с реальными проблемами современности и освоением методов их регулирования. Это сложная и особая проблема, требующая подробного анализа и изучения в контексте глобализации, т. к. изучение препятствующих факторов модернизации обществ традиционного типа связаны именно с этими процессами.

Под глобализацией понимается расширение социальных связей в социальном пространстве и времени, когда достижения науки, техники, культуры, промышленности и т. п. одних стран и народов имеют тесную связь с другими странами и народами, и которые находят свое отражение и применение в повседневной жизни граждан. Это всемирный характер экономических, культурных, политических связей, взаимодействие как в пределах между странами, так и между государствами.

Это процесс распространения социальных связей на технологические, организационные, административные, правовые и др. установления сетей современных коммуникаций и новой информационной технологии, распространение товаров, капиталов, знаний, образцов, стандартов и т. п.

Известный немецкий исследователь Ульрих Бек охарактеризует глобализацию как процесс, в котором национальные государства и их суверенитет сочетаются в сети транснациональных акторов и подчиняются их власти. Он выделяет восемь основных тенденций направления глобализации:

1. Расширение географии и нарастающая плотность контактов в сфере международной торговли, глобальное переплетение финансовых рынков, увеличивающаяся мощь транснациональных концернов

2. Продолжающаяся информационная и коммуникационно-технологическая революция.

3. Повсеместно выдвигаемые **требования** соблюдения прав человека, т. е. принцип демократии.

4. Избирательные потоки охватившей весь мир индустрии культуры.

5. Постинтернациональная, полицентрическая мировая политика — наряду с правительствами существуют транснациональные акторы, могущество и количество которых постоянно растут (концерны, неправительственные организации, Организация объединенных Наций).

6. Вопросы глобальной нищеты.

7. Проблемы глобального разрушения окружающей среды.

8. Проблемы транскультурных конфликтов на местах¹.

В условиях, когда глобализация стремится к расширению плотности взаимодействующих регионально-глобальных сетей на культурном, политическом, хозяйственном, военном и экономическом уровнях бросает вызов традиционным обществам, которые не только не понимают суть этих процессов, но и не могут развиваться в тех темпах, которую она диктует. Все это загоняет в тупик процессы модернизации этих обществ и обуславливает устойчивость традиционных укладов.

Такие процессы в постсоветском пространстве в основном сводятся к следующим тенденциям и показателям: традиционные экономические устои против новшеств и за скромность материального благополучия членов общества; ограничения роста населения («планирование семьи» и т. п.); иерархически-бюрократическая структура всего общества, классов; предпочтение харизматического лидера над рациональным; традиционализм возводится в ранг «патриотизма» и выступает против модернизации, провозглашается идея возврата и реанимации прошлого².

Консервативные взгляды в экономике одобряют лишь усовершенствование традиционных ручных орудий и импортирование отсутствующих здесь фабричных товаров, для того чтобы обеспечить удовлетворение спроса на товары и продукты первой необходимости на всех уровнях социума.

Особую специфику имеет традиционалистские взгляды в области сельского хозяйства. В первую очередь они выступают за сохранение традиционного образования и хозяйства, примат общинного коллективного труда в сочетании с семейным хозяйством, уравнительное распределение земли и результатов труда, которые объясняются как «социальная справедливость».

Особый подход имеет в традиционном обществе (в основном странах СНГ) область промышленности, где приматом пользуется кустарные промыслы как важный элемент традиционного экономического строя. Ряд отраслей традиционного массового потребления законодательно закреплены за семейным или номенклатурным бизнесом, которое не имеет ничего общего с рынком, спросом, предложением и конкуренцией.

---

¹ Там же. С. 27.

² См.: Конкурентоспособность и модернизация экономики. М. 2004. С. 334.

Популярностью пользуется поощрение сельских промыслов, которые образуют смешанный экономический комплекс, являющийся основным средством повышения жизненного уровня сельского населения.

Традиционное государство берет на себя осуществление общественных работ, которые являются актуальными для общества и сводятся в основном к примитивным формам экономической и социальной инфраструктуры. Все это порождает различные подходы экономического развития и не имеет ничего общего со скоростью модернизационных преобразований, диктуемое процессами глобализации.

Несостоятельность такого традиционализма в социокультурной сфере обществ переходного периода с особой остротой проявляется в неудачах при решении социально-экономических проблем в постсоветском пространстве и стремлении использования современной модернизационной технологии для производства товаров и продуктов. Сохранение принципов традиционной экономической политики способствует появлению своеобразного гибрида – традиционализма и модернизма, который получил название – **неотрадиционализм**.

«Неотрадиционализм – это попытка сохранить традиционные хозяйственные формы, «начинив» ими прежде всего традиционно имущие слои более или менее современным содержанием¹. Неотрадиционалисты выступают за активную роль государства патерналистского типа и придают (в некоторых случаях), государственным ведомствам коммерческие функции. Такая экономическая политика не только направлена против модернизации, но и против формирования правового пространства в современном государстве. Неотрадиционализм существовал в СССР, продолжается в постсоветском пространстве и объясняется тем, что наше общество остается в сущности прежним, изменяя лишь внешние символы государственной атрибутики, чтобы иметь легитимность в глазах Запада, в ущерб интересам собственных граждан.

Помимо неотрадиционализма в постсоветском пространстве возникли т. н. **псевдомодернизация**, т. е. попытки совместить современные социокультурные формы вместе с традиционными, которые порождают распространение взяточничества, коррупции, бюрократизации общества. Основная причина – присутствие в правящих кругах традиционалистов и торможение, искажение, препятствие модернизационных процессов, из-за отсутствия профессионализма и компетентности.

Псевдомодернизм поддерживается процессами, которые носят преднамеренный характер и во многом вызваны недостаточной компетентностью ученых, преподавательского состава, имеющие традиционные и устаревшие взгляды, недопонимание ими глобализационных процессов. Между тем успешная модернизация – это комплекс социальных, политических, культурных, правовых, социальных и экономических составляющих. Не следует также игнорировать промежуточные формы модернизации, которые имеют место в условиях перехода.

---

¹ Бессонов С.А. Традиционализм и модернизация в развивающихся и переходных экономиках. // Корнкуренкооспособность и модернизация экономики. М. 2004. С. 335.

Особенно негативно влияет социально-политическая нестабильность, имеющая места в постсоветском пространстве. Тогда как широкое распространение следует придать основным методам экономической модернизации: *спонтанной, конкретно-рыночной и планомерной*, которые должны быть тщательно разработаны и иметь вид специальной программы. Следует учесть, что глобализация охватывающая экономику разных стран превращает модернизацию матрицей современной геополитической системы. Речь идет о том, что модернизация является показателем уровня той или иной страны, а развитие есть способность внедрять не только свои продукты, но и технологию, идеи, модели собственной страны и делая других зависимыми от себя. Иными словами – сегодня модернизация и развитие – два синонима определяют статус силы государств и степень его влияния на глобализационные процессы. Вот почему следует учесть *скорость фаз*, оценку социального времени и социального пространства в современной политике, которые пришли на смену географического детерминизма и биполярности эпохи холодной войны.

Модернизация даже на отраслевом уровне требует огромных дополнительных ресурсов, которые могут быть частично компенсированы притоком из-за границы (международная экономическая помощь, иностранный частный капитал), которые должны быть направлены на модернизацию общества в целом.

В традиционных обществах следует также учесть не только то, что происходит в современных развитых странах Запада, но и тот опыт, который они прошли для достижения сегодняшних показателей. Огромное значение имели разработки и размещения глобальных технологических сооружений – погодных, коммуникационных и т. п., которые привели к **энергосберегающей** системе и снизили зависимость государств от природных ресурсов. Имеется в виду использование пластмасса в автомобилестроении, кабель из волоконного стекла, требующие значительно меньше сырья, которые обусловили превращение стран **Запада производственными державами**, в отличие от сырьевого придатка, которым является сегодняшняя Россия.

В будущем такая тенденция усилится, что приведет к изменению роли природных ресурсов как важнейших составляющих геополитики, глобализации и геоэкономики. Следует также учесть, что научные разработки после второй мировой войны сыграли огромную роль не только в создании современной военной техники, но в области сельского хозяйства. В период с 1950 по 1984 гг. объем мирового производства пищевых продуктов возрос в 2,6 раза обогнал темпы роста населения земного шара. В оборот были введены новые миллионы обрабатываемых земель. Выросло производство более эффективных сельскохозяйственных машин, удобрений, были построены новые современные ирригационные системы.

Высокие технологии становятся определяющим фактором инфраструктуры безопасности геополитического статуса стран современного мира. Сегодня важнейшей задачей мировых лидеров является не только

освоение рынков, а осуществление огромной доли производства разнообразных товаров в передовых технологиях для того, чтобы компенсировать отсутствующие товары в собственной геополитике с одной стороны за счет этого, и обеспечить зависимость других стран от собственного производства. Это сложная взаимообусловленность и взаимопереплетенность процессов глобализации еще раз подчеркивает необходимость ускорения темпов модернизационных процессов в обществах традиционного типа, так как сами сильные государства осуществляют этот процесс, не считаясь с другими, совершенствуя свою жизнедеятельность каждый день и каждый час. Такие темпы развития развитых стран и медлительность, неосознанность, недооценка этих стран со стороны отстающих государств, в дальнейшем приведут к усугублению дисбаланса сил, где определяющим фактором являются не наличие природных ресурсов и современной технологии, а показатели развития научно-технического прогресса и их доступность для общества, обеспечивающие высокий уровень и стиль жизни индивидов в целом.

Иными словами XXI век – это век высоких технологий, которые во время первичной модернизации играли роль информационных телекоммуникационных технологий в целях обеспечения необходимой инфраструктуры, то теперь произошла смена парадигм и они превратились в средства экономического, культурного и политического развития. И такая смена парадигм должна быть учтена современными политиками обществ традиционного типа при выстраивании международной политики и определения места и роли своей страны в современных условиях международных экономических связей.

Современные высокотехнологические сооружения обеспечивают систему единого контроля расположенных в разных регионах предприятий, которые приобретают статус транснациональных корпораций, осуществляя серийное производство современной продукции. Особенностью этих процессов является т. н. **децентрализованное производство с централизованным финансовым контролем**.

Сегодня эра многонациональных корпораций (СМИК), в рамках которого мелкие и местные фирмы ассоциируют себя с целью создания местной продукции мирового качества, создания рабочих мест и капитала и обеспечения конкурентоспособности местного производства.

Такие тенденции создают условия группирования или слияния различных фирм без учета национальных границ. Создаются т. н. материнские компании и их дочерние фирмы за рубежом, сопровождаемые увеличением инвестиций индустриальных стран в экономике друг друга. Например, германский капитал в США превышает 160 млрд. долл., японский капитал в американскую компанию еще больше и т. д. Меняет форму и содержание категория собственности, конкуренция собственников между собой, которая также выходит за рамки национальных государств и принимает межгосударственный характер. В связи с этим механизмы распределения и перераспределения материальных благ приобретают правовой статус, и внедренные в систему внутренних социальных, экономических и поли-

тических вопросов. Таким образом внутривластные изменения напрямую связаны с перестройкой и перераспределением прав собственности, которые в обществах традиционного типа, в первую очередь в России принимают плановый характер, так как перераспределение осуществляется не на основе рыночной и конкурентоспособной основе, а по принципу приближенности лиц к вертикали власти, в результате которого возникла олигархически бюрократическая номенклатура коррупция, лоббизм, протекционизм, что приводит к торможению модернизационных процессов, отсталости и слабости страны.

Между тем современные реалии таковы, что расширение прав собственности и корпорации, которые пересекают географические и политические границы различных государств, становится ключевым элементом современных международных отношений. Сейчас гражданин той или иной страны имеет право иметь собственность за пределами своего государства и отстаивать эти же права в полном объеме, так как руководствуется принципами и нормами международного частного права, определяющее, регулирующие и защищающее эти права в контексте международного права и политики.

Сложившаяся ситуация стимулировала и актуализировала процессы возникновения транснационализации и глобализации экономической политики, что привело к формированию мировой экономики, основным ядром которой являются глобальные хозяйственные комплексы с широко разветвленной системой, многопрофильные и многоуровневые транснациональные корпорации (ТНК), банки (ТНБ) и т. д. Все эти системы объединяются и формируют союзы и объединения ТНК и ТНБ, которые охватывают компьютерную и авиакосмическую промышленность, самолето-и автомобилестроение и т. д. Именно эти компании заключают между собой «стратегические альянсы» с государствами и определяют стратегию раздела глобальных рынков, правила игры и т. п.¹

Одной из специфических черт современной глобализации способствующей возникновению новой формы ТНК выступает т. н. нетуорк экономика (*networked economy*), в которой компьютеризация и новейшие средства коммуникации создают систему *электронного рынка*, основанную на мощных информационных сетях (США). Всемирный банк и Международный валютный фонд (МВФ), учредителями которых выступили 35 стран, превратился в организацию, охватывающую практически всю экономику мира. В результате такая тенденция способствует увеличению контроля над эффективностью производства, определяет по этому принципу уровень развития государств, степень и статус их влияния на общемировые процессы на основе жесткой конкуренции и системой менеджмента.

При этом такие показатели как безработица, инфляция, экономический спад, низкий уровень технологии, географическое неравенство, темпы экономического развития и т. д. носят прозрачный характер и является

---

¹ Международные аспекты экономического развития // Экономическая теория. М. 2000. С. 489-496.

проблемой не только отдельно взятых стран, но и всего мирового сообщества, т. к. отсталость традиционных обществ от современных стандартов рассматривается как фактор несущий угрозу стабильности и безопасности всего мира.

Например, повышение цен на нефть странами-экспортерами, вопреки рассуждениям российских экспертов (якобы это полезно для российской экономики), повышает цены на продукты и товары первой необходимости. Все это негативно влияет на экономику стран Запада в первую очередь таких обществ, которые отрицательно реагируют на эти процессы. Тенденция придания мировой экономике наднационального, международного характера, где национальное производство и технологии будут играть минимальную роль, бросает вызов обществам традиционного типа и в особенности со средней, малой и неразвитой экономикой. Важной существенной чертой является тот факт, что сегодня ни одна страна не способна обеспечить эффективность социокультурного пространства в условиях изоляции и одиночества.

Сложившаяся мировая тенденция диктует особые требования к обществам традиционного типа, находящихся в переходном состоянии от традиционализма к современному. Сравнительный анализ этих двух систем мира, как было показано выше, предполагает прохождение минимум три этапа: первый, выявление каналов проникновения современной экономической политики; второй – формирование механизмов их задействия и третий – окончательный отход от старой системы и полное распространение новых форм. Это переход не просто от традиционализма к современному, а к рыночному.

Конечной целью реформ является обеспечение социокультурных потребностей членов традиционного общества, эффективное использование ресурсов страны, чтобы достичь преодоления отставания по отношению с развитым миром. Распространяя информацию о своих производственных возможностях, государство должно ответить на следующие вопросы: как обеспечить экономический рост и социальное благополучие граждан; как совершенствовать способы производства товаров и доступность цен на них для граждан; каким способом повысить эффективность производства, чтобы производить больше товаров из того же количества ресурсов¹.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что параметры экономического роста, их динамика должны быть соотнесены с общей картиной уровня и качества жизни граждан. Важно также установить темпы и этапы роста не только производства товаров и услуг, но и их доступность для преобладающего количества населения. В противном случае увеличение объема производства без учета их доступности для граждан являются антидемократичными и не направлены на улучшение жизни граждан. И в этом случае речь идет об отрицательном темпе экономического роста.

В перспективе, когда будет преодолен кризис в обществах традиционного типа, актуальным становится поддержание оптимальных темпов социально-экономического развития, базирующиеся на формировав-

---

¹ Канторович Л.В. Гостко А.В. Оптимальные решения в экономике. М. 2002.

шемся макроэкономическом равновесии государственной экономической системы. Однако решение данной проблемы пока еще не стоит в повестке дня современной политики обществ постсоветского пространства. При оценке экономического роста и сокращения отсталости по сравнению с развитыми странами следует использовать утвержденные органами ООН системы национальных счетов, в которой определяется благосостояние следующими показателями: продолжительность жизни, качества, стиль, уровень жизни, социально-культурная среда человека и т. п.

Библиографический список

1. Актуальные вопросы глобализации: Круглый стол // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 4-5.
2. Арнольд В.И. Теория катастроф. М.: Наука, 1990.
3. Ахиезер А. Россия: критика исторического опыта. Т. I, II, III. М., 1991.
4. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс—Традиция, 2000.
5. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М.: Прогресс—Традиция, 2001.
6. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв. Т.3. М.: Прогресс, 1992.
7. Жан К., Савона П. Геоэкономика. Господство экономического пространства. М.: As Marginen, 1997.
8. Кейган Р. Сила и слабость // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 4.
9. Липсет С.М., Кен-Рюн С., Торрес Д. Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3.

Дружин А. В., Тюмень

Социальные стандарты как основа формирования качества жизни населения

Аннотация

В статье рассматривается взаимная связь понятий “качество жизни” и “социальный стандарт”. Особое внимание уделяется первичной роли социальной стандартизации в повышении качества жизни населения. На основе данных опросов общественного мнения и авторского исследования были выявлены наиболее проблемные аспекты социальной стандартизации и предложены пути их решения.

Ключевые слова: качество жизни, уровень жизни, социальная стандартизация, социальные нормы, социальная политика

Повышение качества жизни населения является одной из приоритетных задач социально-экономической политики России. Государственные власти все больше уделяют внимание мониторингу показателей качества жизни, разработке программ его повышения. На данном этапе развития качество жизни является не только приоритетной задачей внутренней политики, но и важнейшим показателем стабильности и “зрелости” государства. Именно в такой ситуации необходимы четкие нормы – социальные стандарты, которые не только установят хотя бы минимальную, но законодательно закрепленную планку качества жизни, но и не позволят допустить ее понижения.

Социальные стандарты и нормы представляют собой систему, включающую ряд элементов. Например В.Г. Асеев выделял три группы социальных стандартов (нормативов). Первая группа касалась охраны труда. В нее входили показатели условий рабочего места, режимы труда и отдыха, нормы труда для отдельных категорий работников – женщин и детей. Вторая группа включала в себя нормативы в сфере пенсионного обеспечения, социального страхования, социального обеспечения. Третья группа объединяла в себе нормы развития социальной инфраструктуры, как системы, обеспечивающей деятельность человека. [7, с.112]

С правовой точки зрения под социальными стандартами понимается комплекс законодательно установленных государственных минимальных социальных стандартов в отраслях социальной сферы (здравоохранение,

образование, социальная защита населения и культура в части библиотечного обслуживания населения) и методических рекомендаций по их формированию. Само понятие минимальных социальных стандартов в этом смысле было сформировано в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 г. N 769 «Об организации подготовки государственных минимальных социальных стандартов для определения финансовых нормативов формирования бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов» и соответствующими подзаконными актами. Согласно данному указу были сформированы стандарты, основывающиеся в первую очередь на статистических показателях и их применения в формировании качества жизни населения. Например количество тех или иных учреждений социальной инфраструктуры на определенное количество жителей. Кроме того, на протяжении всего времени действия данного закона принимались попытки введения федеральных нормативно-правовых актов о создании дополнительных социальных стандартов и о распределении полномочий в сфере формирования и исполнения политики в данной сфере, однако почти все они были отклонены по различным причинам, в частности из-за противоречий с Бюджетным кодексом Российской Федерации. Также ряду социальных стандартов посвящены отдельные нормативные акты – законы Российской Федерации “О прожиточном минимуме в РФ”, “О минимальном размере оплаты труда”, “Об основах социального обслуживания населения в РФ” и т. д.

В настоящее время существует восемь областей применения государственных минимальных социальных стандартов:

- область доходов населения, оплаты труда и пенсионного обеспечения;
- социальной помощи;
- социального обслуживания населения;
- образования;
- здравоохранения;
- культуры;
- жилищно-коммунальная;
- юридической помощи гражданам [6].

Кроме того, ряд регионов начал самостоятельную разработку нормативно-правовых актов, устанавливающих минимальные социальные стандарты и гарантии в отдельных сферах социальной политики – здравоохранении, образовании и т. д. В ряде случаев это напрямую связано с экономическим благополучием региона – например социальная карта жителя Москвы, позволяет рассчитывать на социальное обеспечение и ряд гарантий, которые невозможны в более “бедном регионе”. Для улучшения сложившейся ситуации необходимы разработка и принятие нового закона о социальных гарантиях, который будет иметь характер рамочного. Шаги в этом направлении принимаются, однако самым важным, по мнению ав-

тора является возможная ратификация конвенции МОТ N102, вступившей в силу 27 апреля 1955 года. “Хотел бы обратить внимание на две Конвенции, ратификация которых вызывает большие споры, но которые будут ратифицированы. Это конвенция №102, которая устанавливает минимальные социальные стандарты.” Об этом заявил первый заместитель секретаря Президиума Генсовета «Единой России», председатель комитета Госдумы по социальной политике Андрей Исаев 29 ноября 2011 года. [9]

Принятие международных норм в сфере социальных стандартов является существенным шагом в работе по повышению качества жизни населения, однакостораживают слова заместителя главы Минздравсоцразвития – Юрий Воронин выразил надежду, что при ратификации конвенции МОТ, учитывая российские реалии, пойдет на ряд уступок.[11]

О каких именно уступках идет речь пока не ясно, но остается надеяться, что они не изменят ключевых положений конвенции.

На данный момент можно выделить комплекс мер, необходимых к применению в сфере социальной стандартизации, а именно:

1. Ратификация международных нормативных актов в сфере социальных стандартов и гарантий.
2. Систематизация и актуализация законодательства Российской Федерации в сфере минимальных государственных гарантий.
3. Постоянный мониторинг ситуации в области социальных стандартов.
4. Разработка и реализация целевых и отраслевых программ в социальной сфере.

Принятие и исполнение вышеуказанных мер позволит повысить уровень социальных стандартов, и, следовательно, повысит и качество жизни населения.

Кроме того, при разработке и реализации социально-экономической политики в области социальной стандартизации необходимо учитывать ряд возникающих проблем. Проблема заключается в методологии определения этого объёма через выявление баланса между уровнем, при котором распространяется социальное иждивенчество и уровнем, когда часть населения уже не может воспроизводить себя в бытовом, культурном, социальном планах и деградирует, способствуя при этом деформации социальной основы общества.[8, с.31-37] При невыполнении данного условия создается ситуация сознательного выбора социального иждивенчества в качестве нормы жизни работоспособными людьми.

Учитывая постоянную ограниченность бюджетных средств, при исполнении вышеуказанного комплекса мер, неизбежно выставление приоритетов и первоочередных задач. Правительством Российской Федерации уже принимались подобные решения при работе над приоритетными национальными проектами. Автором статьи был проведен опрос 200 жителей г. Тюмени, направленный на выявление субъективных приоритетов в повы-

шении социальных стандартов в различных направлениях социально-экономической политики. Возраст опрошенных от 18 до 65 лет, гендерный состав 50% мужчины, 50% женщины. Респондентам предлагалось выбрать две наиболее приоритетных сферы, работа с социальными стандартами которых может улучшить качество жизни населения (см. таблицу 1).

Таблица 1

Приоритеты повышения социальных стандартов, %

Сфера	Приоритет	
	1	2
Общественная безопасность	16	14
Экология и охрана окружающей среды	6	11
Медицина и здравоохранение	15	16
Школьное образование	5	5
Дошкольное образование	7	9
Жилищно-коммунальное хозяйство	25	17
Поддержка социально незащищенных слоев населения (в т. ч. пенсионеров)	12	11
Культура	9	10
Спорт	5	7

На основании полученных данных можно выделить ряд наиболее важных сфер:

- Жилищно-коммунальное хозяйство.
- Общественная безопасность.
- Медицина и здравоохранение.

Для реализации системы социальных стандартов в данных отраслях, следует ввести четкие законодательные нормативы. В сфере ЖКХ таковыми должны являться:

1. Социальные нормы площади жилья, предоставляемого бесплатно или за доступную плату.
2. Максимально допустимая доля собственных расходов граждан на оплату жилья и коммунальных услуг в совокупном семейном доходе, исходя из социальной нормы площади жилья и нормативов потребления коммунальных услуг.
3. Уровень платежей граждан по отношению к уровню затрат на содержание и ремонт жилья, а также коммунальные услуги.
4. Минимальный перечень предоставляемых населению жилищно-коммунальных услуг.
5. Нормы и нормативы предоставления льгот и адресного субсидирования оплаты жилья и коммунальных услуг.

Пункт 1 находит свое отражение в Жилищном кодексе РФ, где величина минимальной норма отдается на откуп органам местного самоуправления. По мнению автора статьи, необходимо внедрение стандартов федерального уровня. Оплата коммунальных услуг, рассчитываемая исходя из Постановления Правительства РФ от 23 мая 2006 г. N 307 «О порядке предоставления коммунальных услуг гражданам», имеет лишь экономическую основу, не учитывающих реальные доходы населения.

Только за последние четыре года услуги ЖКХ удвоились и составляют в расходах населения около 20%, а в 2010 году ещё выросли на 18% в среднем по России. В то время как в США в течение 42 лет неизменно в расходах населения услуги ЖКХ составляют 5 – 6%, в странах ЕЭС – 8 – 10%. [10]. Для сферы общественной безопасности необходимы стандарты определения по направлениям:

1. Нормативы численности полиции.
2. Нормативов минимальной бюджетной обеспеченности мероприятий по охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности и безопасности личности.

Пункт 1 рассчитывается исходя из формирования штатной численности, в соответствии с Указом Президента РФ от 1 марта 2011 г. N 252 «О предельной штатной численности органов внутренних дел Российской Федерации», без фактического учета соотношения численности сотрудников МВД и обычных граждан. При количестве полицейских 976 на 100 тысяч населения, при рекомендованных ООН 222, Россия занимает 3-е место в мире, но при этом респонденты отмечают, что не чувствуют себя в безопасности. Это может быть связано как с недостаточной работой органов внутренних дел, так и с особенностями восприятия россиянами полицейских лишь каждый второй гражданин доверяет органам внутренних дел в вопросах обеспечения личной и имущественной безопасности вырос с 33% в 2009 до 52% в 2011 году. Наиболее высокий уровень доверия зафиксирован среди пожилых граждан (57%). [12]

В сфере медицины и здравоохранении минимальные стандарты необходимы аспектах:

1. Нормативы амбулаторных и поликлинических организаций.
2. Обеспеченность государственных и муниципальных учреждений здравоохранения техническими и материальными ресурсами.
3. Обеспеченность государственных и муниципальных учреждений здравоохранения кадровыми ресурсами.
4. Лекарственное обеспечение населения.
5. Нормативов минимального финансового обеспечения государственных и муниципальных учреждений здравоохранения различных типов и видов.

Указанные нормы по медицине и здравоохранению имеют законодательное закрепление в Распоряжении Правительства РФ от 3 июля 1996 г. N 1063-р, но упоминание респондентами сферы здравоохранения как проблемной говорит о недостаточности либо о невыполнении данных нормативов.

Сопоставление полученных данных позволяет сделать вывод, что комплексное сочетание нормотворческих и исполнительных мер с применением новых социальных стандартов в выявленных отраслях может оказать положительное влияние на повышение качества жизни населения.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 г. N 769 «Об организации подготовки государственных минимальных социальных стандартов для определения финансовых нормативов формирования бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов».
2. Жилищный кодекс РФ.
3. Указом Президента РФ от 1 марта 2011 г. N 252 «О предельной штатной численности органов внутренних дел Российской Федерации».
4. Постановление Правительства РФ от 23 мая 2006 г. N 307 «О порядке предоставления коммунальных услуг гражданам».
5. Распоряжении Правительства РФ от 3 июля 1996 г. N 1063-р.
6. Общероссийский классификатор информации по социальной защите населения ОК 003-99 (ОКИСЗН) принят постановлением Госстандарта РФ от 17 декабря 1999 г. N 545-ст.
7. Асеев В.Г., Шкаратан О.Н. Социальные нормативы и социальное планирование. М.: Профиздат, 1984.
8. Грошева И.А. Социальный контроль как механизм конструирования девиантности // Вестник Тюменского государственного университета. – Тюмень. 2010. №4.
9. Исаев: Россия готова к установлению минимальных социальных стандартов// Сайт партии Единая Россия URL: <http://er.ru/news/2011/11/29/isaev-rossiya-gotova-k-ustanovleniyu-minimalnyh-socialnyh-standartov/> (Дата обращения 10.05.2012).
10. Куликов Н.И., Вдовина Е.С. Сколько бедных людей в богатой России? Сайт газеты Комсомольская правда Воронеж URL: <http://vrn.kp.ru/daily/24472/630646/> (Дата обращения 12.05.2012).
11. В 2012-м Россия намерена ратифицировать 102-ю конвенцию МОТ// Сайт Пенсия РФ URL: <http://pensiarf.ru/v-2012-m-rossiya-namerena-ratificirovat-102-yu-konvenciyu-mot/> (Дата обращения 11.05.2012).
12. «Полиция и общество: отношение, доверие, взаимодействие» // Сайт ВЦИОМ URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112346> (Дата обращения:12.05.2012).

Огнёва Ю. И., Белгород

Пути формирования электоральной культуры молодежи¹

Аннотация

В статье рассматривается состояние электоральной культуры, и как составной части - электорального поведения молодежи Белгородской области. Особое внимание уделяется участию молодежи в выборах, в конференциях, конкурсах, олимпиадах посвященных избирательной тематике, а также выявлению реальных факторов и методов формирования электоральной культуры молодежи.

Ключевые слова: электоральная культура, абсентеизм, выборы, политическая литература, олимпиады, конкурсы по избирательной тематике

На современном этапе социологии и политологии уделяется достаточно много внимания по изучению проблем формирования электоральной культуры молодежи. Эта тема на протяжении уже нескольких десятков лет не перестает оставаться актуальной и проблематичной. Важно отметить, что в наши дни молодежь характеризуется абсентеистским поведением в политической сфере деятельности. Многие ученые, занимающиеся данной проблематикой, беспокоятся о том, что в скором будущем, общество не сможет совладать с электоральной пассивностью молодежи и, в частности, с её влиянием на электоральную культуру молодежи в целом.

Важно отметить, что подобное отношение молодежи к политической сфере деятельности обусловлено современным состоянием российского общества, переживающего сложный период социально-экономических и политических преобразований. Изменения затронули все сферы общественной жизни: экономическую, политическую, идеологическую, нравственную. При этом ранее существовавший общественный уклад с его порядками, ценностями, установками оказался разрушенным, но не исчезнувшим, создание нового идёт неравномерно, противоречиво, неопределенно, без наглядно осязаемых успехов, в острой борьбе [2]².

В этих условиях входит в жизнь, вступает во взаимодействие с реалиями общественного устройства, подготавливается к замене старших на производстве, в культуре, на политической арене, государственной службе

---

¹ На примере Белгородской области.

² Бычкова М. Н. Электоральная пассивность молодежи: причины и пути преодоления. Томск, 2010. С. 13.

новое поколение. Молодёжь, как правило, проявляет особые способности к творчеству, является носителем огромного интеллектуального потенциала. Именно молодёжь, уровень ее профессиональных знаний, ее духовно-нравственные качества, и, в том числе, уровень ее политической культуры во многом определяют перспективы развития российского общества [4]¹.

На основе вышеизложенного можно сказать, что электоральная культура молодежи – важная составная часть политической культуры общества в целом. Проникая через определённые средства массовой информации, она формируется в сознании представителей общества. А молодёжь – это та грань, которая стоит между правосознательным населением, обладающим сложившимися представлениями о политической культуре, и людьми, не имеющими о ней даже первичных знаний.

В ходе пилотажного исследования было опрошено 40 респондентов из них 20 женщин и 20 мужчин. В нашем исследовании существует возрастная градация, а именно женщины и мужчины – 18-23, 24-27, 28-31. Важно отметить, что большую часть из опрошенных составляет молодёжь – 18-23 года (50%); равное распределение получили следующие возрастные категории – 24-27 лет (25%) и 28-31 год (25%).

По результатам опроса выяснилось, что политическая обстановка в стране оказывает большое значение лишь для 27,5% опрошенных респондентов. Значительное – такой ответ дали 62,5% респондентов. Для 10% политическая обстановка в стране не очень значительная. Важно отметить, что на вариант ответа не значительная политическая обстановка высказалось 0 респондентов, что составляет 0%. Этот факт, к сожалению, не говорит о том, что для молодёжи первостепенное место занимает политика. Но для доминирующей части опрошенных – всё-таки политическая обстановка значительная (см. рис. 1).

Рис. 1. Значение политической обстановки в стране

¹ Кошeluk М. Е. Технологии политических выборов. СПб., 2011. С. 18.

Что касается непосредственного вопроса – как часто ходят респонденты на выборы – 85% опрошенных ответили, что всегда ходят на выборы, 15% ответили – иногда. И на такой вариант ответа – никогда – ответили 0 респондентов. Это характеризует высокий показатель электорального поведения молодёжи. Электоральное поведения является важным аспектом электоральной культуры молодёжи и, как правило, именно этот аспект занимает высокие показатели, в отличие от остальных. Причём, на вопрос – «Существует ли у вас желание участвовать в выборах?» – большинство ответило, что да существует (87,5%).

На вопрос – «По какой причине вы участвуете в выборах?» – 24% высказалось, что для них это гражданский долг, 27,5% ответили, что это конституционно-прописанное избирательное право. 7,5% опрошенных респондентов считают, что их голос может стать решающим. И также 5% высказались, что ходят на выборы за компанию с другом (см. таблицу 1).

Таблица 1

Причины участия в выборах

По какой причине вы участвуете в выборах?	%
Гражданский долг	60
Конституционно-прописанное избирательное право	27,5
Мой голос может стать решающим	7,5
Хожу за компанию с другом	5

Другой же показатель электоральной культуры молодёжи – участие в конференциях, олимпиадах, конкурсах, посвящённых избирательной тематике показал низкий уровень сформированности электоральной культуры, в отличие от электорального поведения. Таким образом, при опросе было выявлено, что в подобных мероприятиях всегда участвует всего 5%, иногда 15% и никогда не участвует 80% опрошенных респондентов. Особенно важным является тот факт, что большая часть опрошенных составляют молодёжь 18-23 года, т. е. 50% всех респондентов принявших участие в нашем исследовании. Как правило, именно в этом возрасте молодёжь принимает активное участие в различных конференциях, олимпиадах, посвящённых избирательной тематике, т. к. это учащаяся молодёжь, а не работающая. Но не смотря, на этот факт показатели очень низкие и свидетельствуют о том, что молодёжь не хочет принимать участие в подобных мероприятиях. Также это показывает другую ситуацию, где мы можем заметить, что молодёжь не заинтересована, а это означает, что высшие учебные заведения мало обращают внимание на проведение избирательных конкурсов, конференций. Избирательные комиссии ежегодно проводят различные мероприятия – написание рефератов, сочинений, проведение конкурсов на лучший рисунок, конференций, но информированность в данном случае низкая, поэтому студенческая молодёжь зачастую не знает о подобных конкурсах.

Нигилистические настроения выявились при следующем вопросе — «Читаете ли Вы политическую литературу»? Всего 7,5% читают постоянно, 72,5% иногда читают и 20% не читают вообще. Это характеризует молодёжь с абсентеистской стороны. Большую часть политической информации мы можем прочитать в газетах, журналах, а также в интернете, нежели посмотреть. Доступ к интернету в наши дни имеет каждый студент высших учебных заведений и практически каждый человек молодого возраста. То есть именно в интернете можно посмотреть политические новости на любую тематику. Однако, молодёжь не пользуется данными преимуществами и не читает политическую литературу (см. рис. 2).

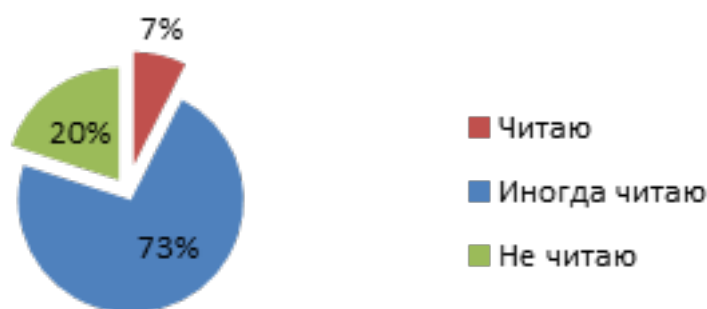

Рис. 2. Политическая литература

В Белгородской области на 2012 год насчитывается более 5 молодёжных политических движений, более 50 клубов молодого избирателя. Однако молодёжь отказывается принимать участие в подобных организациях, значит и не стремится повлиять на политическую обстановку в стране — о чём свидетельствуют данные, полученные при опросе. На вопрос «Состоите ли вы в избирательных клубах, политических движениях, организациях, партиях» — 5% ответили, что состоят, 27,5 планируют вступить и 67,5% не состоят и не планируют вступить.

При определении ценностных ориентаций и жизненных установок была выяснена следующая информация. А именно, на вопрос «Как вы считаете, что может способствовать привлечению, приобщению молодого поколения к электоральной (политической) культуре» — большая часть (75%) ответила, что открытость в работе местных органов власти, 15% высказались за информирование о политических процессах, 7,5% считают, что может поспособствовать открытая работа депутатов и меньшая часть (2,5%) за то, чтобы проводились предвыборные акции такие, как митинги, пикеты, шествия, конференции (см. таблицу 2).

**Факторы, способствующие привлечению молодёжи
к электоральной культуре**

Как вы считаете, что может способствовать привлечению, приобщению молодого поколения к электоральной культуре?	%
Открытая работа депутатов	7,5
Информирование о политических процессах	15
Открытость в работе местных органов власти	75
Проведение предвыборных акций	2,5

Политика для молодежи – не самая важная сфера деятельности (только для 27,5% молодёжи политическая обстановка в стране имеет большое значение). Кроме того, молодое поколение не прилагает практически никаких усилий для того, чтобы быть политически информированной молодёжью (72,5% опрошенных респондентов ответили, что иногда читают политическую литературу). Таким образом, все поставленные в нашем исследовании задачи были достигнуты. И можно сделать вывод, что у молодёжи Белгородской области сформировался апатичный тип, характеризующийся политической пассивностью.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Становится очевидной актуальность выработки комплекса мер по формированию политико-правовой культуры молодежи, преодолению ее электоральной пассивности, выстраиванию диалога между молодым поколением и органами государственной власти:

Регулярно организовывать молодежные фестивали, форумы, олимпиады, конкурсы по избирательному праву, встречи с депутатами Белгородской областной Думы, представителями политических партий.

Значительную часть информации о выборах молодое поколение получает из СМИ. Поэтому необходимо, активно использовать возможность прессы, информационных технологий, интернета, дать возможность молодежи дискутировать, высказывать своё мнение, пожелания и предложения.

Необходимо прививать новые общественные ценности молодым избирателям не манипулированием, а «открытым разговором» на добровольных началах, а именно использование программы такой, как паблик релейшенз. Возросшая масштабность общественной жизни, её сложность, объём информации требуют новых технологий коммуникации, где принцип двусторонней симметричной коммуникации более чем актуален.

Библиографический список

1. Бочарова, Т.А. Формирование патриотизма в молодёжной среде / Белгород : ПринтМастер, 2010.
2. Бычкова, М.Н. Электоральная пассивность молодёжи: причины и пути преодоления / Томск : Изд-во Томского ГУ, 2010.
3. Зарубин, В.Г. Российский избиратель: опыт социологического анализа / СПб. : Питер, 2007. – 167 с.
4. Кошелюк, М.Е. Технологии политических выборов / СПб. : Премиум, 2004. – 325 с.
5. Кривец, А.П. Организация работы с молодёжью в региональных избирательных кампаниях / Белгород : Принт Мастер, 2010. – 153 с.
6. Морозова, Т.И. Проблемы гражданской активности молодёжи / Белгород : ПринтМастер, 2010. – 141 с.

Разинский Г. В., Пермь

Истоки и перспективы социальных протестов сквозь призму общественного мнения: региональный аспект¹

Аннотация

Статья посвящена анализу динамики общественного мнения жителей провинциального промышленного центра в контексте выявления факторов, определяющих перспективы и направленность развития социально-политических процессов в российском обществе.

Ключевые слова: городской социум общественное мнение синдром патернализма векторы развития модернизационный комплекс стратегии и модели кризисного поведения

Рост протестной активности зимой-весной 2011–2012 годов, во-первых, был воспринят, в т. ч. и научной общественностью, как нечто неожиданное, вызванное отдельными политическими акциями правящего класса, во-вторых, породил оптимистические настроения, относительно перспектив реанимации демократических процессов в российском обществе. Так ли это на самом деле? Данные, которыми мы располагаем, по крайней мере, корректируют эти суждения. Лаборатория социологии Пермского национального исследовательского политехнического университета при инициативном участии автора в 2007–2010 году вела социологический мониторинг общественного мнения жителей г. Перми (на каждом из 4-х его этапов опрашивалось по случайной районированной выборке 1400 респондентов, представляющих основные социально-профессиональные группы населения), который охватывал весь спектр проблем социального развития такого крупного промышленного центра, каким является г. Пермь и отношения к ним его жителей.

Город Пермь, изучению общественного мнения которого было посвящено мониторинговое социологическое исследование, представляет собой полифункциональный тип городского поселения, сочетаю-

---

¹ Статья выполнена в рамках исследовательского проекта, финансируемого Российским гуманитарным научным фондом (№ проекта 12-03-00063).

щего в себе развитую промышленную инфраструктуру различной целевой направленности и разветвленную систему служб городского хозяйства для поддержания и жизнеобеспечения жизни горожан с интересными культурно-историческими традициями, придающими городу значение важного историко-культурного центра. И в этом своем качестве данный социум представляет собой типическое для России поселение, что позволяет экстраполировать полученные данные на российский социум в целом.

Полученные результаты интересны и тем, что время проведения мониторинга пришлось, в том числе и на кризисные 2008–2009 годы. Для нас представляют интерес следующие тенденции, характеризующие состояние городского общественного мнения:

- *рост антирыночных настроений*, сопровождающихся усилением патерналистских, социально-иждивенческих и эгалитаристских (уравнительских) ожиданий респондентов: увеличилось число тех, кто отрицает рыночные отношения и не признает дифференциации в доходах населения, сократилось число ориентированных на собственные силы и возможности;

- *снижение общего уровня сопричастности жителей к городу*. Это проявилось и в росте общей отчужденности от города, и в снижении уровня информированности в городских делах и событиях, и в сокращении и так незначительной доли тех, кто ощущает значимость своего мнения при решении городских проблем и принимает участие в управлении городом на том или ином уровне. Это нашло отражение в росте числа пермяков, ориентированных на внешнюю миграцию. Характерно, что потенциальные мигранты преимущественно представлены экономически активными горожанами с высоким образовательно-профессиональным статусом;

- *ухудшение социально-экономического и профессионально-трудового положения горожан*. Данный процесс сопровождается нарастанием социального расслоения среди пермяков. Причем эта обособленность, поляризация культивируется и воспроизводится в применяемых *моделях и стратегиях поведения в условиях кризиса*. Большинство демонстрирует пассивные иждивенческие или выжидательные стратегии поведения, те же, кто находится в более выгодном материальном положении (их меньшинство), склонны проявлять более активные поведенческие практики (причем уровень материального благосостояния и применяемые стратегии поведения находятся в прямой зависимости друг от друга). Т. е. идет процесс «привыкания» к малообеспеченности, адаптация поведения под имеющийся социально-экономический статус. Характерно, что если в 2009 г. эти стратегии выбирались опрошенными как намерения, ориентации, то в следующем, 2010 г. это уже были проявления реального поведения горожан в условиях кризиса. Как показывают полученные данные, реализованными оказались стратегии ожидания, пассивности и иждивенчества. Об этом, в частности, свидетельствует то, что первые три места в иерархиях реакции на кризис занимают (в порядке убывания значимости) пассивное ожидание (ничего не предпринимают, живут как прежде; ожидание лучших времен) и вынужденная адаптация (минимизация расходов, ведение экономного образа

жизни). И если намерения активного противостояния кризису реализовала значительно меньшая часть тех, кто собирался это сделать (примерно половина), то пассивно-иждивенческие стратегии предпочли в 1,5-2 раза больше респондентов, чем собирались это сделать в 2009 г., что, впрочем, не означает, что и эти стратегии реально оказались востребованы;

- *рост уровня неудовлетворенности пермяков работой учреждений и органов власти*, потребность в которых особенно остро ощущается в период социальных преобразований и кризисных явлений. В большей мере это относится к учреждениям здравоохранения, социальной защиты населения, службе занятости и правоохранительным органам. Кроме того, снизилось качество контактов опрошенных с данными учреждениями (уровень разрешения вопросов) и участились столкновения с негативными явлениями в органах городской и районной власти;

- *сохранение низкого уровня активности горожан в общественно-политической жизни города* на фоне роста их недовольства деятельностью органов власти краевого и городского уровней. Т. е. большинство пермяков предпочитают выступать в роли объектов воздействия, принимая на себя роль «ведомых», но при этом не снимают с себя критической функции в оценке происходящих перемен как в их личной жизни, так и в городе в целом;

- *обострение* отмечавшегося на протяжении всех четырех лет наблюдений *процесса отчуждения городского социума от власти*: произошло существенное снижение уровня доверия горожан краевым и городским органам власти, как к социальным институтам, так и к персоналиям, ее представляющим. Вместе с тем, большое число опрошенных продолжают занимать пассивную иждивенческую или выжидательную позиции, тем самым рассчитывая на волю и возможности власть имущих. Когда же последние бездействуют или не в состоянии обеспечить социально-приемлемые условия жизни всем горожанам, то уровень доверия к ним снижается, — срабатывает механизм нереализации тех или иных притязаний.

- *рост удельного веса тех, кто готов принять участие в протестных акциях* в защиту своих интересов, прав и свобод. В контексте радикализации мнений и оценок опрошенными состояния городской среды, рост числа потенциальных протестантов вполне закономерен. В условиях доминирования настроений социальной апатии, неинициативности, аполитичности они не представляют особой опасности для власть имущих. Однако должно настораживать, что медленно, но неуклонно идет процесс их кумуляции, что при определенных, экстраординарных обстоятельствах может стать детонатором активного социального процесса;

- изменение такого интегрального показателя состояния общественного мнения, как *уровень социального самочувствия горожан*: уменьшилось число оптимистично оценивающих свое ближайшее будущее, в большей степени, нежели раньше, получили распространение настроения

беспокойства, тревоги, безысходности. Причем свои личные перспективы опрошенные склонны воспринимать более негативно, нежели общегородские.

Таким образом, общественное мнение оказывается расколотым на две неравные части: преобладающую и вследствие этого доминирующую, которая подвержена *синдрому патернализма*, характерные составляющие которого антирыночная (или вынужденно прорыночная) ориентация, эгалитаристские настроения с отрицанием социальной дифференциации, жесткая ориентация на иерархические отношения и социальное иждивенчество и связанные с этим социальная и политическая апатия, ориентация на традиционные консервативные ценности и относительно незначительную (в пределах 15-20% городского населения), которая является носителем *модернизационного комплекса*, отличительными чертами которого является безусловное принятие рыночных ценностей и соответствующего им типа поведения, адаптированность к социальным различиям в общественных отношениях, стремление к сепарированию от государственной опеки и к реализации личностного потенциала как в трудовой, так и в социокультурной и социально-политической деятельности, ориентация на ценности постиндустриального общества.

Естественно, речь идет лишь о некоторых тенденциях, которым в той или иной степени подвержен городской социум. Тем не менее, зафиксированная выше общая неудовлетворенность отдельными сторонами городской жизни рождает различный тип реакций вышеописанных сегментов общественного мнения: в первом случае эта неудовлетворенность проявляется латентным образом в форме пассивных «предпротестных ощущений», тогда как во втором формирует ту или иную форму активного протеста.

Таким образом, существовали (и существуют) объективные условия для возникновения протестных настроений, которые и сдетонировали известные события зимы-весны 2011–2012 годов. Однако хотя протестный потенциал, зафиксированный в нашем мониторинге относительно значителен (в пределах 20%), он включает в себя, прежде всего активную часть горожан (руководители, предприниматели, студенты), которая не пересекается с основной массой неудовлетворенных горожан.

И здесь как раз заложена мина замедленного действия, ибо совершенно неясен вектор реализации протестных настроений, т. к., с одной стороны, доминирующее большинство, испытывающее неудовлетворенность решением тех или иных проблем городского бытия, подвержено патерналистским, иждивенческим настроениям. И если сейчас это большинство, имея консервативно-антирыночный вектор направленности, обеспечивает сохранение *status quo*, то в условиях нарастания кризисных явлений оно вполне может составить базу реваншистских, антимодернизационных сил. С другой же стороны, уже существующий протестный потенциал, ядро которого составляет социально активная часть городского социума, преодолевшая антимодернизационный синдром, представляет лишь относительное меньшинство городского населения. Оно пока не обладает

необходимыми организационными, идеологическими и иными ресурсами, чтобы, возглавив протестное движение, канализировать недовольство вышеупомянутого большинства в направлении демократического реформирования, в данном случае городских структур управления. Это и ставит под вопрос оптимистичные надежды на демократическую направленность вектора развития политических процессов в российском обществе.

Сарбаева И. Ю., Самара

Современные практики реформирования жилищного и коммунального хозяйства в контексте региональной социальной политики

Аннотация

Статья посвящена изучению современных практик взаимодействия агентов отрасли жилищного и коммунального хозяйства в процессе реформирования. Основное внимание уделяется региональному контексту в условиях новой социальной политики государства.

Ключевые слова: реформирование, региональная социальная политика, поле, практики, агенты

Среди важнейших направлений преобразования социального характера в стране выделяется реформирование отрасли жилищного и коммунального хозяйства, направленное на создание необходимых условий жизнедеятельности и повышения качества жизни населения страны. Однако, в настоящее время, эта отрасль социальной сферы, жизнеобеспечивающая инфраструктура, оказалась на изломе проблем формирования рыночных отношений, с одной стороны, и обеспечения социальной защиты населения, с другой. Несоответствие поставленных целей преобразований с достигнутыми результатами указывает на существование достаточно серьезной проблемы – неопределенности и управляемости процесса реформирования. Выявление характерных черт, целей, задач, результатов, агентов и условий реформирования отрасли жилищно-коммунального хозяйства представляется чрезвычайно важным для фиксации, анализа и популяризации накопленного в Самарском регионе опыта.

Об исключительной важности рассматриваемой проблемы свидетельствует ее отражение в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года и включение в число важнейших национальных проектов. В настоящее время происходит пересмотр Концепции, что нашло отражение в итоговом докладе о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года «Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика». Все

это актуализирует потребность социологического осмысления процесса реформирования жилищного и коммунального хозяйства на современном этапе рыночных преобразований и всестороннее изучение изменений данной отрасли в условиях социальной политики Самарского региона. Реформирование ЖКХ понимается как социальный процесс, не как одномоментный акт деятельности реформатора, а как поэтапный целенаправленный способ изменения социального устройства во всех сферах общественной системы.

Одним из перспективных в **методологическом плане** направлений анализа реформирования в условиях новой социальной политики представляется, на наш взгляд, достаточно продуктивный подход П. Бурдые. Применительно к анализу реформирования жилищного и коммунального хозяйства подход практически не рассматривался в современных исследованиях. Акцент делается не только на эффективности функционального взаимодействия агентов, основное внимание уделяется условиям и возможности существования агентов и их практик в поле социальной политики. В свою очередь, изучение соотношений условий и внутренних характеристик агента дает возможность понять законы эффективности функционирования его практик. Использование категории поля также предполагает акцент на субъективных факторах и их объективных последствиях. Из этого принципа следуют соответствующие стратегии научного анализа: движение от анализа различных параметров пространства (поля) к анализу действующих в нем агентов. В стратегии исследования особое внимание уделяется практике агентов, их состоянию, деятельности и способам интеграции в поле. При этом практики агентов играют роль связующего элемента между агентом и полем. Понятие поля является эффективным инструментом для исследования, главная цель которого — дать возможность научного конструирования практик агентов поля

В нашем исследовании под практиками понимаются некие подвижные позиции — действия и взаимодействия, где поля становятся местом циркулирования сил, которые несводимы к практикам, свойственным другим полям. Агенты отражают такие качества индивида, как активность и способность действовать, быть носителем практик определенного сорта и осуществлять стратегии, направленные на сохранение или изменение своей позиции в социальном пространстве. Все вышесказанное особенно важно изучать в контексте региональной социальной политики, под которой понимается деятельность органов государственной власти субъектов Российской Федерации, направленная на решение социальных проблем региона, развитие его социальной сферы, создание условий для жизни людей, обеспечение их социальных потребностей, интересов, прав и гарантий, предоставление социальных услуг.

Значимо изучать именно региональный аспект ввиду проблем экономического и социального неравенства регионов, влияния на пространственные диспропорции ресурсных, географических, агломерационных и институциональных факторов. Многие в развитии социальной политики в регионе зависят от приоритетов местной власти-губернатора, групп

политических или экономических интересов, отдельных руководителей ведомств, корпораций, а также экономического состояния региона. Традиционная роль сообществ может по-разному проявляться в городе и селе, различаются уровень жизни, содержание и способы формулирование социальных проблем. Особенности управления и социальной поддержки тоже проявляют себя по-разному. В нашем случае речь идет о регионе-модернисте, миниатюре страны в целом, как постулируют эксперты, разрабатывающие Проект Стратегии социально-экономического развития Самарской области на период до 2030 года.

Особенную актуальность приобретает изучение современного этапа реформы жилищно-коммунального хозяйства, который мы определяем в рамках направления новой социальной политики. С 2005 г. сформировались экономические, политические и идеологические факторы для перехода от социальной политики, выступающей механизмом стабилизации, к другой модели, способствующей интенсивному развитию. Разработка приоритетных национальных проектов стала частью этой стратегии, проявлением прагматичности современной нам социальной политики.

Исследовательская проблема заключается в противоречии между тем, что с одной стороны сам процесс реформирования отрасли жилищного и коммунального хозяйства идет уже несколько десятилетий, практики взаимодействия основных агентов в этом поле социальной политики, в данный момент, сложились определенным образом. С другой же стороны, ход самой реформы, эффективность ее реализации на каждом новом этапе постоянно пересматриваются, в связи с этим появляются новые цели социальной политики, появляются новые агенты и практики взаимодействия их между собой, а существующие практики проходят постоянную трансформацию.

В качестве **объекта эмпирического исследования** выделены агенты, вовлеченные в процесс реформирования жилищного и коммунального хозяйства Самарской области. Акцент делается на индивиде как источнике, «первоначале» любой социальности. **А предметом исследования** является эффективность реформирования жилищного и коммунального хозяйства в Самарской области.

Цель исследования была в итоге сформулирована следующим образом: «Проанализировать эффективность реализации реформы жилищного и коммунального хозяйства в Самарской области на современном этапе». Качественное социологическое исследование не предполагает строгое выдвижение рабочих гипотез, однако необходимо поставить исследовательские вопросы, чтобы обозначить контуры исследования и направления всего процесса поиска. В этой связи, основной исследовательский вопрос заявлен следующим образом: «Почему, несмотря на то, что реформа идет уже несколько десятилетий, достаточно сложно оценить эффективность ее реализации?».

Исследование проводилось в рамках качественной парадигмы с использованием исследовательской стратегии кейс-стади. Отметим, что реформирование жилищного и коммунального хозяйства изучается нами в реально существующем контексте, то есть в единстве всех специфиче-

ских условий его бытования. Данный социальный процесс изучается в его реальном изменении, что позволяет фиксировать эти изменения в объекте, происходящие в течение определенного периода времени. Подчеркнем, что кейс-стади в рамках качественного исследования выступает как исследовательская стратегия, направленная на глубокий комплексный анализ социального процесса на примере отдельного эмпирического случая. В качестве случая в нашем исследовании выступает процесс реформирования жилищного и коммунального хозяйства в Самарском регионе. В этой связи выбранный для анализа случай является типичным в контексте нашего исследования, поскольку, не смотря на региональные различия в ходе реформы, все-таки существуют общие тенденции в протекании данного социального процесса. Главной целью кейс-стади является детальное описание структур и образцов социальных взаимоотношений в процессе реализации новой социальной политики.

В силу того, что стратегия кейс-стади предполагает использование различных **методов сбора социологической информации**, в нашем исследовании основным методом сбора информации стал экспертный опрос. В качестве дополнительных методов сбора полевых данных использовались качественный анализ документов и включенное наблюдение. Процедура проведения полевого исследования включает различные методики и техники, где одни дополняют другие. Наиболее важное место отводится собственно конструированию предмета исследования, необходимым моментом которого является рефлексия над проблематикой, и над позицией самого исследователя, объективация интереса исследователя к данной проблемной области и разрыв с предвзятыми мнениями и «социологическим здравым смыслом».

Проанализировав документы, было выявлено, что практики взаимодействия агентов в сфере жилищного и коммунального хозяйства на современном этапе изучаемой реформы носят противоречивый характер. Это касается не только взаимодействия на уровне федеральной, региональной и муниципальной власти, но и других агентов на поле социальной политики. Изучаемая реформа идет уже несколько десятилетий, однако сложившиеся взаимоотношения агентов носят скорее ситуативный характер. Не разработаны эффективные алгоритмы взаимодействий между ними. С одной стороны, ставятся вопросы о необходимости пересмотра критериев измерения эффективности в соответствии с изменением целеполагания в деятельности основных структур ЖКХ. С другой стороны, уже отслеживаются первые успехи в соответствии с требованиями новой социальной политики, делаются первые заключения об эффективности ЖКХ в этих новых условиях, в том числе Самарской области, с акцентом внимания на успехах в деле создания частных коммунальных компаний и проблемах в выполнении программ энергосбережения.

В эмпирическом исследовании было важно отследить то, как оценивают ход реформы и ее реализацию участники процесса, а именно ключевые его агенты. Насколько заявленные цели и задачи реформы в официальных документах соотносятся с промежуточными результатами, какие

дальнейшие пути развития реформы, что необходимо сделать в плане того, чтобы заявленные в начале цели соответствовали конечному результату. Для выявления основных агентов реформирования жилищного и коммунального хозяйства, был использован метод включенного наблюдения, в ходе которого исследователь проигрывал роль «наблюдателя-участника». Исследователь участвовал в общественных слушаниях по обсуждению регионального бюджета министерств и посетил форум, посвященный управлению жилищным фондом России.

Выборка исследования целевая, соответствующая целям и задачам исследования. При этом отбирались наиболее информационно значимые случаи, представляющие интересующее нас явление. При отборе наиболее информационно богатых случаев в первую очередь учитывался опыт работы информанта в сфере жилищного и коммунального хозяйства в рамках поля социальной политики, а также знания о направлениях и промежуточных итогов реформы. Говоря о поиске респондентов, следует отметить, что основной проблемой выступала проблема поиска «ключевого участника» (key actor), «ключевой фигуры» (key insider), понимая под этими терминами человека, включённого члена в изучаемую ситуацию, он добровольно действует как гид и помощник исследователя внутри социальной структуры.

В процессе полевого исследования совершенно очевиден тот факт, что не каждый человек готовый к сотрудничеству обладает необходимой информацией во всей полноте, а с другой стороны, человек знающий всё, что необходимо исследователю не всегда готов поделиться информацией. В подобной ситуации встаёт вопрос о критериях выбора «наилучшего эксперта». Мы воспользовались пятью критериями, два из которых являются наиболее важными: роль в общности; знание, которым обладает информант в результате занимаемой им в общности позиции. Оставшиеся три критерия являются менее значимыми, но часто решающими: готовность к общению; готовность сотрудничать; беспристрастность в оценках. В нашем случае были выделены и выбраны информанты из числа следующих социальных агентов, вовлеченных в процесс реформирования (опрошено по одному из каждой выделенной группы):

- *потребители жилищно-коммунальных услуг (население, бюджетные и коммерческие организации):* председатели ТСЖ, активные представители населения, активные представители бюджетных и коммерческих организаций и др.;

- *поставщики коммунальных услуг (бизнес):* субъекты конкурентных и монопольных рынков, возможные собственники коммунального предприятия: представители коммунальных предприятий, управляющих компаний;

- *региональные и муниципальные органы власти:* Государственная жилищная инспекция Самарской области; Министерство энергетики и жилищно-коммунального хозяйства Самарской области; депутаты губернской думы; Департамент жилищно-коммунального хозяйства Администрации городского округа Самара и т. д.

- *представители неправительственных организаций, занимающихся вопросами местного самоуправления, ЖКХ, социальной политикой;*
- *представители научной общественности и экспертного сообщества, журналисты СМИ.*

Интервью проводилась по заранее составленному на основе анализа документальных источников путеводителю — гайду. В ходе проведения интервью непосредственно в ситуации опроса была возможность корректировки в постановке, порядке, выражении вопросов.

Переходя к непосредственному анализу транскриптов интервью, отметим, что эксперты описывают ситуацию в сфере жилищного и коммунального хозяйства как сложную и близкую к критическому состоянию:

«Этим вопросом не занимаются уже десятилетия и нужно срочно что-то предпринимать!» (член секции по ЖКХ и секции по вопросам участия граждан в местном самоуправлении Общественного совета при Самарской Губернской Думе).

«Ситуацию сложно охарактеризовать. Собственники получили собственность, а понятия у них о том, что с ней делать дальше, у них нет. Ты обязан ее содержать, управлять ей, ремонтировать и соответственно за это платить» (председатель ТСЖ).

«Это самый главный вопрос и поэтому состояние жилищного фонда, и вообще вопрос о жилищно-коммунальном хозяйстве на сегодняшний день плачевный» (заместитель руководителя управляющей компании).

«Если говорить в двух словах то ситуация в сфере ЖКХ достаточно тяжелая, если не сказать больше. До сих пор проблемы ЖКХ в числе первых, которые люди замечают» (представитель неправительственной организации, занимающейся вопросами местного самоуправления и ЖКХ).

«Жилищно-коммунальное хозяйство состоит из двух: жилищного хозяйства и хозяйства коммунального. Когда мы говорим о ЖКХ в узком контексте, мы говорим только о хозяйстве муниципалитета. В более широком смысле включает и коммунальную энергетику, кот передали. Газ, электричество, вода - все что передано естественным монополистам это оказалось вполне успешным проектом. В нормальном состоянии системы водоснабжения, электроснабжения, в несколько худшем состоянии тепло и в более плохом вода. В критическом состоянии жилой фонд» (специалист Департамента жилищно-коммунального хозяйства Администрации городского округа Самара).

Определяя, насколько успешно реализуется стратегическая цель государственной жилищной политики, а именно, обеспечение доступности жилья для всех категорий граждан, а также соответствия комфортности жилья потребностям населения, получены весьма неоднозначные выводы. Одни респонденты считают, что цель в принципе недостижима:

«На сегодняшний день это выглядит как фантастика» (член секции по ЖКХ и секции по вопросам участия граждан в местном самоуправлении Общественного совета при Самарской Губернской Думе).

«Прежде всего, соответствия комфортности нет, не обеспечивается это по одной простой причине - в свое время государство не выполнило свои обязательства по приведению жилищного фонда в надлежащее состояние. Оно оставило эту проблему собственникам» (специалист Департамента жилищно-коммунального хозяйства Администрации городского округа Самара).

«Сейчас это жилищная политика по обеспечению доступности жилья в определенной степени, потому что доступным жильем так и не стало. Она есть, идет, но не такими темпами. Буксует» (представитель неправительственной организации, занимающейся вопросами местного самоуправления и ЖКХ).

Другие эксперты менее критичны в своих суждениях:

«Жилье относительно доступное. Для работающего человека в принципе дешевое жилье в новостройках относительно доступное» (председатель ТСЖ).

Касательно стратегических задач развития отрасли в области ликвидации аварийного и ветхого жилья, информанты отметили ее как одну из приоритетных в отрасли и заметили, что процесс начался, но идет недостаточно быстрыми темпами, либо совсем тормозится ее решение:

«Она вообще не реализуется. У нас городские власти вообще не решают вопрос об отселении, переселении из ветхого и аварийного жилья» (заместитель руководителя управляющей компании).

По поводу содействия самоорганизации населения на жилищном рынке, организации эффективного управления многоквартирными домами эксперты отметили следующее:

«Количество людей активных собственников увеличивается. В частности создание советов многоквартирного дома должно помочь управляющим компаниям. Понять должны, что это партнеры, союзники, а не контролирующие органы. Если они это поймут, установят контакт, то работа может пойти» (представитель неправительственной организации, занимающейся вопросами местного самоуправления и ЖКХ).

«Здесь относительно эффективный идет процесс, потому что ТСЖ все-таки создаются не по причине успешной пропаганды данной формы управления, а по причине, что люди не верят управляющей компании и вынуждены самоорганизовываться» (специалист Департамента жилищно-коммунального хозяйства Администрации городского округа Самара).

Положительным моментом стало формирование нового собственника - ответственного собственника, который хорошо информирован, культурно грамотен в первую очередь, а во вторую впоследствии сможет взять на себя обязанности по выбору более эффективной формы управления многоквартирным домом.

В части модернизации сферы ЖКХ, приведения жилищного фонда к состоянию, отвечающему условиям энергоэффективности, экологии, сделаны следующие комментарии экспертов:

«Об этом пока больше разговоров, чем реальных дел... Правительство заявило об этом, а реальных дел нет» (представитель неправительственной организации, занимающейся вопросами местного самоуправления и ЖКХ).

Касательно остальных задач развития отрасли, в частности обеспечения социальной защиты в части оплаты коммунальных услуг отдельными группами граждан, совершенствования тарифной политики, завершение процесса финансового оздоровления предприятий ЖКХ, привлечение бизнеса к управлению и инвестированию в жилищно-коммунальную инфраструктуру, развитие частно-государственного партнерства в сфере предоставления коммунальных услуг, эксперты сошлись в едином мнении, что такие задачи практически не реализуются на данном этапе реформы.

Эксперты очертили основной круг проблем, возникающих у основных агентов реформирования: проведение капитального ремонта многоквартирных домов, недостаточное финансирование отрасли, проблемы качества оказываемых услуг, долги населения, сложности в организации вновь создаваемых ТСЖ, проблема коррупции органов власти, недостаток механизма контроля органами за власти за сферой ЖКХ, недостаточная информированность граждан, несовершенства законодательства. В принципе, эти основные проблемы волнуют в разной степени основных агентов поля социальной политики в области жилищного и коммунального хозяйства. Проблемы мешают работать в диалоговой стратегии власти, бизнеса и потребителей услуг. Часто возникают противоречия в отношениях между органами власти, управляющими компаниями, потребителями жилищно-коммунальных услуг и ресурсоснабжающих организаций. Происходит недопонимание основных прав и обязанностей друг друга, что конечно препятствует эффективной реализации реформы. Хотя какое то движение есть, оно идет, агенты начинают разграничивать сферы полномочий и рамки ответственности, пытаются договориться между собой, действуя в рамках рыночной экономики.

В итоге некоторые эксперты просто не смогли ответить, кому реформа ЖКХ приносит реальную пользу. Они сходят в одном, что явно не собственнику, а может быть органам власти, которые сняли с себя часть полномочий или управляющим компаниям, ресурсоснабжающим организациям в плане материальных благ.

В части перспектив развития отрасли жилищного и коммунального хозяйства в течение ближайших несколько лет эксперты высказались достаточно негативно:

«Государство скоро будет вынуждено решать проблемы отрасли. Замалчивать уже не смогут, когда начнут рушиться дома. Большая стратегическая ошибка в том, что государство отдало отрасль в частные руки. Чем быстрее вернет себе функцию контроля, тем быстрее все будет меняться» (представитель неправительственной организации, занимающейся вопросами местного самоуправления и ЖКХ).

Подводя итоги исследования, подчеркнем, что реформирование отрасли идет явно недостаточно быстрыми темпами. Зачастую заявленные цели и задачи реформы не соответствуют полученным результатам.

Возможно, это обусловлено постановкой новых задач перед отраслью, осознание которых даже ключевыми фигурами происходит медленно, уже в силу того, что диалог власти, бизнеса и общества лишь проблематизируется на уровне разрабатываемых документов стратегического характера. В частности, в проекте Стратегии социально-экономического развития Самарской области данная задача поставлена как актуальная на первом и вторых этапах реализации этой стратегии. Агенты пытаются решить противоречия между собой разными способами, причем не всегда получается это в форме открытого диалога. В принципе, если соотносить данные наших интервью с анализом документов, то видно, что проблемы, характерные для всей страны, в нашей области стоят особенно остро.

Библиографический список

1. Бурдые П. Социология политики: Пер. с фр./Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993.
2. Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.
3. Зубаревич Н.В. Региональное развитие и региональная политика за десятилетие экономического роста // Журнал новой экономической ассоциации. 2009. № 1-2.
4. Козина И. М. Case study: некоторые методические проблемы // Рубеж (альманах социальных исследований). 1997. - № 10-11.
5. Осадчая Г.И. Приоритетные национальные проекты в контексте социальной политики Российской Федерации // Социальная политика и социология. 2007. №2.
6. Римашевская Н.М. Человек и реформы: Секреты выживания. М: ИСЭПН РАН, 2003.
7. Штомпка Пётр. Социология социальных изменений / Пер, с англ, под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996.

Слушев Д. Е., Иркутск

Особенности отношения населения к региональной политике в области энергосбережения

Аннотация

В статье рассматривается отношение населения к региональной политике в области энергосбережения. Основное внимание уделяется моделям поведения и мотивации населения. Роль стереотипов по отношению к энергосбережению иллюстрируется результатами социологического исследования.

Ключевые слова: энергосбережение, энергоэффективность, модель поведения, мотивация, стереотип, региональная политика, Иркутская область, экономия, ресурсы

Социологический анализ отношения населения к региональной политике в области энергосбережения является крайне актуальным в современных условиях. Мировой финансовый кризис заставил задуматься о потребностях и расходах практически каждого жителя России. Задуматься не только о расходах, но, об экономии, сбережении. Самые дорогие блага современного мира, после технологичных девайсов – это ресурсы. Коммунальные, в первую очередь – тепло, горячая и холодная вода, канализация, свет. Экономия и сбережение предполагают энергосбережение. Поскольку «энегосбережение» напрямую связано с технологиями появилось современное понятие «энергоэффективность».

Президент России – Дмитрий Медведев, начиная Расширенное заседание президиума Государственного совета по вопросу повышения энергоэффективности российской экономики, заявил, что «Комиссия по модернизации и технологическому развитию экономики определила пять приоритетов. На первом месте – энергоэффективность».[1] Государственной Думой был принят Закон № 261 «Об энергосбережении и повышении энергетической эффективности ...», который на федеральном уровне закрепил необходимость политики государства в данном направлении. Согласно Закону, каждый Субъект Федерации обязан иметь свою региональную программу энергосбережения и повышения энергетической эффективности, в которую интегрирована подпрограмма Пропаганды энергосбережения на территории Субъекта Федерации.

В Иркутской области была принята программа «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности на территории Иркутской области на 2011-2015 годы». Общий объем финансирования – 100 млн. рублей. Такая сумма для одного из самых энергоёмких регионов России, является мизерной. В Иркутской области только ГЭС (Гидроэлектростанции – Братская, Иркутская, Усть-Илимская и Мамаканская) вырабатывают на каждого жителя области более 25,5 тыс. кВт/ч энергии [2]. Не говоря уже о ТЭЦ и строящейся Богучанской ГЭС.

Наличие на территории области реализованного и перспективного потенциала в области энергетики и энергоресурсов обуславливает низкие тарифы на энергетические ресурсы. С 1 июля 2012 года электричество для категории «население» стоит 0,74 рубля за 1 кВт/ч [3] – самые низкие тарифы в Российской Федерации. Твёрдое топливо: дрова – 610,27 рубля за метр кубический, каменный уголь – 1094,83 рубля за тонну [4].

Естественно, что такое количество дешевой электроэнергии (61,4 млрд. кВт/Ч в год [5]) открыло возможность создания на территории области таких промышленных гигантов как [ЗАО «Аккумуляторные Технологии»](#) (один из ведущих российских производителей [АКБ](#), [Братский алюминиевый завод](#), [Братский лесопромышленный комплекс](#), [Коршуновский горно-обоганительный комбинат](#), [ОАО «Саянскхимпласт»](#) (крупнейший производитель ПВХ в России), [Усольехимпром](#), [Усть-Илимский лесопромышленный комплекс](#), [Иркутский алюминиевый завод](#) и пр., которые в свою очередь, существенно пошатнули экологическое здоровье региона. Кроме них, сами ГЭС и ТЭЦ пагубно влияют на окружающую среду.

Если вернуться к вопросу энергосбережения, то на каждом из этих предприятий, согласно ФЗ № 261 так же должны реализовываться программы повышения энергоэффективности.

Но, что такое энергосбережение или энергоэффективность в представлении населения региона? Какое отношение эти слова имеют к повседневной жизни и какие стереотипы функционируют в массовом сознании сибиряков? Как население одного из самых энергоёмких регионов страны относится к энергосбережению и политике, проводимой в этой области государством и региональной властью? На эти вопросы должно было ответить социологическое исследование по проблеме энергосбережения в Иркутской области, проведенное в феврале 2012 года. Автор данной статьи принял непосредственное участие в организации и проведении данного социологического исследования.

Целью исследования явилась разработка концепции региональной программы пропаганды энергоэффективности среди населения области. А также разработка рекомендаций по формированию у всех слоев населения города Иркутска и Иркутской области стереотипов поведения и мотиваций, которые были бы максимально ориентированы на рациональное и экологически ответственное использование энергии и природных ресурсов.

Цели исследования определили круг исследовательских задач. В них входило определение представлений населения о структуре потребления электроэнергии в домашнем хозяйстве и способах ее экономии. В ходе исследования изучались формы методы и методы информирования населения, нацеленные на экономию электроэнергии.

Выявлена оценка населением кампании по экономии электроэнергии, проводимой иркутским правительством и оценка восприятия экономической эффективности установки водяных счетчиков для бюджета семьи;

Объектом данного исследования выступили жители города Иркутска и Иркутской области; предметом – совокупность их суждений и оценок, характеризующих отношение массового сознания к вопросам энергосбережения и энергоэффективности. Исходной базой для построения выборки послужили официально опубликованные данные Росстата на 1 января 2011 г.

Формирование выборки осуществлялось согласно социально-демографическим данным региона. Отбор респондентов производился в разрезе Муниципальных образований Иркутской области и проходил в два этапа. На первом этапе формировалась выборка муниципальных образований, на втором этапе – составлялась база телефонов домохозяйств соответствующего муниципального образования.

При проектировании выборки было определено предельное значение статистически ожидаемой ошибки, составляющее не более $\pm 3,5\%$. С учетом погрешности метода необходимый целевой размер выборочной совокупности составил 2000 респондентов. Реальная выборка составила 2001 представителя иркутских домохозяйств.

В состав Иркутской области входит 42 муниципальных образования. Общая выборка была распределена по образованиям, пропорционально официально опубликованным данным о численности их населения.

Методом сбора информации являлось телефонное интервью. Все респонденты были поделены на группы - «Население», «Малый и средний бизнес» и «Отраслевые группы». С группами «Население» и «Малый и средний бизнес» проводилось структурированное интервью с применением разработанных анкет. С отраслевыми группами проводилось неструктурированное качественное интервью с применением разработанных гайдов (вопросников) для каждой целевой группы.

По результатам данного исследования можно судить о существующих стереотипах и мотивах населения в отношении энергопотребления.

Поскольку задача исследования заключалась в определении структуры потребления ЭЭ и отношения населения к данному природному ресурсу, необходимо было выяснить, считает ли потребитель энергии Иркутска и иркутской области расходы на оплату большими. Ответы на данный вопрос не удивительны относительно данного региона. Как говорилось выше, Иркутская область отличается от других субъектов РФ наличием большого количества генерирующих мощностей.

Таблица 1

Представления населения о расходовании электроэнергии у себя дома

Вариант ответа	%
Не очень велики	52,9
Большие	35,6
Практически незаметны	11,5

Поэтому более половины населения (52,9%) заявили, что расходы на электроэнергию не очень велики. (35,6%), Чуть более трети респондентов оценили свои расходы на оплату электричества как большие, а еще 11,5% и вовсе назвали их практически незаметными.

Это означает, что оплата расходуемого в домах электричества не очень сильно беспокоит население города и МО, а величина расходов по этой статье домашнего бюджета не является одной из приоритетных, как в других регионах страны.

Опрос позволил выявить ожидаемые различия между ответами представителей различных социально-демографических групп. Однако эти различия оказались не настолько большими, чтобы можно было говорить о существенной разнице в восприятии расходов на электроэнергию между мужчинами и женщинами, молодыми и пожилыми, высокообразованными и малообразованными людьми.

Так, например, невысокими назвали свои расходы на электричество 51,6% мужчин и 54,4% женщин. Эту же позицию выбрали 56% людей со средним образованием, 51,3% со средне-специальным образованием, 52,7% с неоконченным высшим образованием и 54,1% с высшим образованием. Ответы пожилых людей и лиц в экономически активном возрасте также различаются совсем незначительно.

Население считает, что если источник энергии находится так близко и так сильно влияет на экологическую ситуацию, то и стоимость электроэнергии должна быть низкой, а лучше и вовсе – бесплатной. Это один из стереотипов, сдерживающих рост популярности энергосбережения. Еще одним фактором является сложившийся в советское время стереотип о том, что все принадлежит Народу, что все общее. «Наша плотина или ТЭЦ – почему мы должны платить за электричество?» - заявляют жители региона.

Наряду с этим, строительство плотин на Ангаре принесло населению региона многочисленные экологические и социальные риски. Переселение целых районов и деревень с насиженных мест поселения, которое продолжается и сегодня в связи со строительством Богучанской ГЭС. Вырубка лесов и изменение климата, и исчезновение отдельных видов растений, птиц и зверей.

Ответом на распространенные стереотипы в региональном массовом сознании является государственная и региональная политика по сдерживанию роста тарифов для населения, поскольку их резкий рост может привести к социальной напряженности и конфликтам.

Сложившееся состояние массового сознания препятствует внедрению различных форм и видов энергосбережения в домах и квартирах жителей Иркутска и МО. Учитывая региональную политику, направленную на

сохранение тарифов на электроэнергию на самом низком уровне в стране, можно сказать, что данный факт является неким препятствием к формированию и внедрению различных форм и видов энергосбережения в домах и квартирах жителей Иркутска и МО.

При этом большинство респондентов стараются экономить электричество, но о современных способах экономии не осведомлены. Главным из них является традиционный еще, с советских времен, – «уходя, гасите свет».

Таблица 2

Способы экономии электричества в домашних условиях

Какие способы экономии электричества вы знаете?	%
За счет выключения света при выходе из комнаты	44,0
За счет установки «экономных » ламп	27,6
За счет выборочного освещения помещений (свет «там, где нужно»)	10,8
За счет установки в комнатах регуляторов яркости	2,7

Совершенно очевидно, что основным способом экономии электроэнергии является выключение света при выходе из помещения (44%). Продвижению энергосберегающих («экономных») ламп не могут не способствовать уже сформированные в массовом сознании представления о том, как простые потребители электроэнергии могут, наиболее, эффективно экономить ее расход в своих жилищах. Информированность населения об экономных лампах не говорит о том, что эти лампы эффективны. Мнение населения крайне негативно. Как правило, вторичное использование экономных ламп не происходит.

Тех респондентов, которые не пользовались «экономными» лампочками, не покупали энергосберегающую технику и не поставили у себя многотарифных счетчиков, спрашивали, почему они этого не сделали. Поскольку у отвечавших не было особых причин скрывать свои истинные мотивы, полученные в опросе ответы вполне можно считать правдивыми, раскрывающими основания их абсентеизма.

Таблица 3

Причины использования/неиспользования энергосберегающих ламп в быту

Почему вы не используете в вашем доме энергосберегающие лампы?	%
Они слишком дорогие	32,1
Они не очень надёжны	16,2
Я знал о них, но пока не дошли руки	11,1
Думаю, они не дадут существенной экономии	8,2
Они долго загораются	7,2
Затрудняюсь ответить	5,9
Другое	3,4

Такое поведение в некоторой степени отражает модель поведения — «тарифы высокие», «я экономлю, как могу» и «особо этой темой не интересуюсь».

С другой стороны, жители области плохо информированы о том, что иркутское правительство усиленно занимается вопросами энергосбережения и в настоящее время ведет кампанию, направленную на повышение уровня энергосбережения. Почти половина опрошенных респондентов (45,0%) продемонстрировали незнание данного вопроса. 35,2% опрошенных уверенно подтвердили, что знают о проведении такой кампании, и только 16,1% заявили, что «догадывались об этом».

Опрос показал, что все основные социально-демографические группы населения информированы о кампании по усилению энергосбережения приблизительно в равной степени, то есть практически никак не информированы.

И пока население не избавится от стереотипов относительно энергосбережения, а Правительство не начнет масштабную программу по пропаганде энергоэффективного поведения, то некогда «модная» тема энергосбережения окончательно приобретет негативный оттенок.

Чтобы избежать такого прогноза необходимо провести масштабную информационно-разъяснительную кампанию на территории региона.

Исходя из целей и задач Долгосрочной целевой программой «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности на территории Иркутской области на 2011-2015 годы» целями информационно-разъяснительной кампании будут:

- Информирование жителей Иркутской области о ходе, целях, задачах, целевых показателях и результатах реализации областной Программы энергосбережения, формирование позитивного отношения к ней со стороны населения Иркутской области, профессиональных и экспертных кругов, лидеров общественного мнения, средств массовой информации.
- Разъяснение жителям Иркутской области необходимости принятия мер по энергосбережению и повышению энергоэффективности.
- Ознакомление населения Иркутской области с основными приемами снижения энергопотребления в быту и на производстве.
- Информирование населения Иркутской области об основных передовых технологиях повышения энергоэффективности.
- Формирование «энергоэффективного» поведения населения Иркутской области, морально-психологическое стимулирование использования энергоэффективной продукции и технологий.
- Преодоление противодействия жителей Иркутской области изменениям, связанным с реализацией политики энергоэффективности, в том числе с повышением потребительских цен на первичные ТЭР.
- Организация «обратной связи» с населением и с бизнес - сообществом Иркутской области по теме повышения энергоэффективности, учет, анализ и использование мнений граждан при проведении мероприятий Комплексной программы энергосбережения в Иркутской области.

Для достижения данных целей необходимо решить следующие задачи Коммуникационной программы:

- Сформировать комплекс идеологических и морально-психологических конструкций и ключевых сообщений, аргументов, цифр, фактов, креативных образно – семантических блоков, способных оказать воздействие на мнения, представления и поведение представителей приоритетных целевых аудиторий в области энергосбережения и энергоэффективности.
- Создать и наладить деятельность коммуникационной инфраструктуры кампании, включая подконтрольные, либо партнерские средства массовой информации, коммуникационно - информационные площадки в сети интернет, консультационные, образовательные и информационно-справочные центры, пулы представителей средств массовой информации, экспертного сообщества, представителей органов власти и общественных организаций, лидеров общественного мнения, ньюсмейкеров и спикеров.
- Организовать и наладить специализированные каналы «обратной связи», способные оперативно и без искажений доводить до организаторов кампании отношение, мнения и идеи лидеров общественного мнения среди представителей приоритетных целевых аудиторий.
- Обеспечить информационно-аналитическое, социологическое, организационно-техническое, методическое, юридическое и финансово-экономическое сопровождение проведения информационно-разъяснительной кампании.
- Осуществить планирование и программирование информационно-коммуникационных усилий, разработку и формирование информационно-событийного потока, оперативное реагирование на критические и деструктивные материалы в СМИ, протестные акции и действия представителей приоритетных целевых аудиторий.
- Разработать комплект информационно-справочных, образовательных, обучающих, информационно-аналитических, пропагандистских, рекламно - имиджевых и рекламно-агитационных материалов и продуктов на тему энергосбережения и энергоэффективности для всех категорий приоритетных целевых аудиторий.
- Сформировать партнерские информационные, рекламные и спонсорские программы для представителей бизнеса, заинтересованных в продвижении на рынок энергоэффективных технологий и продукции, услуг, связанных с повышением энергоэффективности, а также для государственных и общественных организаций, чьи уставные цели и задачи совпадают с целями и задачами кампании.
- Изготовить и распространить данную продукцию и материалы среди представителей приоритетных целевых аудиторий, в т. ч. с помощью средств массовой информации, сети интернет, проведения массовых мероприятий, промо - акций, образовательных и обучающих программ, наруж-

ной, почтовой, транспортной, прямой и т. п. рекламы, консультационных, демонстрационно-образовательных и контакт - центров, общественных организаций и других форм массовой коммуникации.

- Получить и проанализировать сигналы «обратной связи», внести корректировки, изменения и дополнения в ключевые сообщения и информационные продукты.

Цели и задачи коммуникационной программы отражают весь спектр проблем, связанных с восприятием населением как политики, проводимой региональной властью в области энергосбережения, так и стереотипы и модели поведения, которые должны быть изменены или трансформированы для наилучшего восприятия и понимания такой глобальной проблемы как энергосбережение и энергоэффективность.

Библиографический список

1. Расширенное заседание президиума Государственного совета по вопросу повышения энергоэффективности российской экономики, 2 июля 2009 года, 20:00, Архангельск.
2. Стратегия развития топливно-энергетического комплекса Иркутской области до 2015-2020 гг. и на период до 2030 г. — Институт систем энергетики им.Мелентьева СО РАН.
3. [Приказ службы по тарифам Иркутской области от 29.12.2011 № 270-спр](#)
4. Приказ Службы по тарифам Иркутской области от [14.05.2012 № 40-спр](#).

Чернышова Е. В., Барнаул

Чернышов С. А., Томск

Феномен активизации сибирской региональной идентичности как показатель отсутствия единого социального пространства в России

Аннотация

В статье анализируется ряд социологических исследований количественного и качественного характера последних лет, в которых рассматривается феномен сибирской региональной идентичности. Основное внимание уделяется рассмотрению причин активизации региональной идентичности в последний год. В числе таковых выделяются как экономико-географические (удаленность от Москвы, эксплуатация сибирских ресурсов и др.), так и личностные (например, полиэтничность родословной конкретного человека). Однако активизация сибирской региональной идентичности рассматривается и в контексте кризиса единого социального пространства в России: формирование местных «национальностей» означает обособление больших социальных групп людей и их полное отстранение от федеральных проблем, а также друг от друга.

Ключевые слова: Сибирь, региональная идентичность, национальность обособление, социальное пространство, сепаратизм

После длительного перерыва проблема активизации сибирской региональной идентичности, выражаемая в искусственном конструировании национальности «сибиряк» (за которым, впрочем, стоят реальные процессы не национального, но регионального обособления), во многом неожиданно вновь возникла в российском социуме. С точки зрения социологической науки это выразилось, прежде всего, в проведении за последний год целого ряда исследований, посвященных сибирской идентичности, определению основных характеристик образа сибиряка.

Стремление региона к обособлению безусловно связано с существующими объективными проблемами, но это, в свою очередь, также является источником социальной, политической и экономической нестабильности.

Актуальность данной темы обусловлена несколькими факторами. Прежде всего, впервые в истории российских переписей населения, по итогам переписи 2010 года (окончательные итоги которой будут подведены в 2013 году) с большой долей вероятности может появиться национальность «сибиряк» наряду с привычными для страны этническими образованиями. Этому способствовал один из базовых принципов российских переписей — самостоятельное определение собственной национальной идентичности. Если во время переписи 2002 года сибиряки как этническая группа были зафиксированы в количестве 8 человек, то в 2010 году их численность достигла 4 166 человек [3]. Кроме того, впервые за много лет в целом ряде публикаций в СМИ (в таких авторитетных изданиях как «Коммерсант-Власть», «Эксперт» и др.) появились серии материалов, посвященных исследованию проблем сепаратизма (сибирского, уральского, дальневосточного и других). Это происходит на фоне общего подъема интереса к национальной специфике в современной России.

Объектом исследования является феномен активизации сибирской идентичности. Предметом исследования являются факторы, которые способствуют возникновению региональной идентичности в России, а также тенденции к разрывам единого социального пространства.

Идеи регионального самоопределения, выражающегося как в государственном строительстве, так и в формировании новых этнических объединений, впервые в нашей стране явно получили свое развитие в период Гражданской войны. Например, в 1920-1922 годах на территории от Байкала до Тихого океана, включая Приморье, Камчатку и северный Сахалин существовала формально независимая Дальневосточная республика (ДВР). Она была создана большевиками в условиях гражданской войны и интервенции, чтобы избежать прямого столкновения с Японией и выйти из международной изоляции, используя несоветское «буферное» государство для экономических связей с США. А 8 октября 1917 года областники объявили Сибирь автономией и создали первое сибирское правительство во главе с Потаниным, которое впоследствии было разогнано большевиками. Во время Гражданской войны кадетское крыло областников поддержало адмирала Колчака, провозглашенного верховным правителем России.

Во время формирования новой России в 1990-х гг. образования крупных межрегиональных образований, провозглашавших себя отдельными государствами, в азиатской части страны не наблюдалось. Исключение: провозглашение Уральской республики, просуществовавшей несколько месяцев, — однако это образование, как говорилось, было создано не для завоевания государственного суверенитета, а для уравнивания региона в правах с национальными республиками, другими словами — для выравнивания российского федерализма.

Однако в 2000-х годах вопросы региональной идентичности приобрели свою актуальность, в основном, с новой стороны — через активизацию национального самоопределения в отдельных частях России, в том числе,

и в Сибири. Омский ученый М.А. Жигунова занимается этой проблемой уже два десятилетия и фиксирует в последнее время заметную активизацию сибирской региональной идентичности. По ее подсчетам, если в середине 1980-х «сибиряками» называли себя лишь 15% опрошенных, то сегодня — около 75% [3].

Это происходит на фоне общего исследовательского интереса к данной проблеме. Так, в марте 2010 года группа ученых Национального исследовательского Томского государственного университета (НИ ТГУ) выиграла конкурс на выполнение научно-исследовательской работы по теме «Региональная идентичность как фактор и условие сохранения и поддержания социальной стабильности в сибирском социуме: исторический и современные аспекты» [4]. НИР проводилась на базе опроса жителей 9 регионов Сибири. Уже этим летом подобные исследования были проведены учеными Новосибирского государственного университета, причем, в отличие от других, здесь провели не количественное, а качественное исследование — 45 глубинных интервью с жителями Омска, Новосибирска и Иркутска[1].

Фактом активизации сибирской региональной идентичности заинтересовались и федеральные исследовательские структуры — впервые за довольно длительный промежуток времени. Последний массовый опрос на эту тему провел ВЦИОМ — его специалисты в апреле-мае этого года опросили 1,5 тысячи человек в нескольких регионах Сибири и Дальнего Востока, по итогам опросов было выпущено исследование на тему «Сибирь и Дальний Восток: «забытый край» или «локомотив развития»?». Символичным воплощением затрагиваемой проблематики идентичности стал также интересный факт проведения на базе сибирско-американского факультета Иркутского государственного университета семинара «Сибирь в системе мировых экономических связей», на котором его участники конструировали экономику независимого государства Сибирь. Хотя по итогам семинара эта экономика была признана недееспособной, факт постановки проблемы в таком ключе, несомненно, не может не привлекать внимание.

Наконец, усиление процессов национального обособления, формирование в Сибири нового рода идентичности фиксирует и ряд косвенных данных официальной статистики. Например, Росстат фиксирует, что Сибирь постепенно перестает быть зоной активных межэтнических контактов, обусловленных совместным проживанием, тесными хозяйственными, торговыми и культурными связями, межнациональными браками. Согласно данным архивов ЗАГС, в 1950–1970-е годы в отдельных регионах Западной Сибири межэтнические браки составляли от 38 до 73%. В 1970-1980-е количество таких браков стало сокращаться, и уже к началу XXI века на их долю приходилось около 20% от всех заключенных браков[3]. Такие тенденции присутствуют и в других территориях России. В этом смысле, Сибирь является своеобразной моделью, в которой представлены все основные социокультурные составляющие современной России. Известно, что одной из характерных особенностей российского социума с самого начала его существования была чрезвычайная полиэтническая мозаичность. Еще в большей мере это относится к Сибири.

Феномен активизации региональной идентичности в Сибири фиксируют все вышеупомянутые исследователи. Они также сходятся и в определении основных черт этой идентичности. Так, М.А. Жигунова, проанализировав более 7 тысяч анкет, выделяет следующие основные черты характера сибиряка: доброта, доброжелательность; сила характера (духа), выносливость, мужественность, стойкость; трудолюбие; гостеприимство, радушие; отзывчивость и щедрость; честность, справедливость; толерантность (снисходительность), терпимость, патриотизм. Кроме того, хотя и бытует поговорка «Сибиряк — не тот, кто не мерзнет, а тот, кто тепло одевается», во многих ответах подчеркивалось, что сибиряки любят русскую зиму, не боятся мороза и холода[3].

Важное дополнение к этой характеристике дают томские ученые. Они фиксируют очень важный момент — наиболее близко свою общность с группой «сибиряки» чувствуют люди, проживающие в сельской местности, имеющие начальное профессиональное или среднее специальное образование, получающие доход немного выше прожиточного минимума (5–10 тыс. рублей), зрелого или пожилого возраста. В общем, люди, которые составляют «костяк» базового слоя российского общества, представители «простого народа» и в гораздо меньшей степени среднего класса[4]. Другими словами, речь идет не об искусственном конструкте, рожденном в узком круге лиц, а об общенародном феномене, имеющем поддержку в широких слоях населения.

Уже на этом уровне исследователи также фиксируют раскол в едином социальном пространстве России, стремительном обособлении отдельных его частей. С одной стороны, большинство сибиряков считает, что жители европейской части России — это люди, избалованные благами цивилизации, более мягкие и капризные, часто самодовольные, бессердечные, подлые, продажные и жадные (очевидно, что под европейцами в данном случае чаще всего подразумеваются москвичи) [1]. Другой — у жителей европейской части России по-прежнему бытует устойчивое мнение о Сибири как о диком крае с грубыми, необразованными и некультурными людьми. Наиболее часто из бытующих о Сибири представлений встречаются следующие: «в Сибири всегда холодно», «там медведи по улицам ходят», «нет транспорта, дорог, все ходят пешком или ездят на оленях» [4]. Другими словами, речь идет о том, что на уровне восприятия обычных людей в России существует два макросообщества, которые воспринимают друг друга в целом резко негативно.

Факторы, этому способствующие, также понятны. Формированию сибирской идентичности способствуют предпосылки, которые можно условно разделить на две группы: предпосылки макро-уровня (климат, экономическое положение Сибири в России, удаленность от экономического центра страны, ощущение общероссийского социально-экономического неравенства) и предпосылки микро-уровня (история семьи, личная мобильность индивида и т. д.) [1]. То есть, по сути, сибирская региональная идентичность есть реакция проживающих в Сибири людей на экономические и социально-политические перекосы, существующие в России, стремление людей обозначить свои проблемы на общенациональном уровне.

С другой стороны, ежедневное преодоление этих проблем за последние 20 лет изрядно подкосило социальный оптимизм сибиряков. В результате, согласно опросу ВЦИОМ, 40% жителей Сибири и Дальнего Востока хотят отсюда уехать. Эти данные перекликаются и с другими подобными исследованиями. Скажем, в июне новосибирский центр маркетинговых исследований «ИнфоСкан» опубликовал результаты аналогичного опроса, согласно которому лишь 52% жителей города устраивает то место, где они сейчас живут, а каждый десятый новосибирец хотел бы уехать за рубеж[6]. Причины этого объективны, отмечают в ВЦИОМ: состояние ЖКХ (44% опрошенных), алкоголизм и наркомания (38%), состояние дорог (33%), коррупция в органах власти (29%) и большое число иммигрантов (22%).

Но главный негативный фактор, который отмечает почти половина сибиряков и дальневосточников, — относительная дороговизна жизни. Высокие цены на продукты питания, промтовары, энергоносители (в основном за счет больших транспортных издержек и сурового климата) больше не компенсируются повышенными, как было в СССР, зарплатами. В далекой Туве, например, большинство товаров стоит столько же, сколько в зажиточной Москве, а денег там люди получают намного меньше. Поэтому они и хотят уехать — прежде всего за высокими зарплатами (и это из Сибири, где уровень жалования традиционно был существенно выше, чем в остальной стране!) и, что еще важнее, за карьерными перспективами.

Интересна и другая часть пороса ВЦИОМ — о перспективах развития Сибири и Дальнего Востока, которая демонстрирует еще один пример разрыва единого социального пространства России. Более половины трудоспособного населения и 46% студентов заявили, что никуда не уедут, если в регионе начнется новый крупномасштабный нацпроект. Но не нужно обольщаться. Половина опрошенных уверены, что успех Сибири и Дальнему Востоку принесет сотрудничество с Китаем и Японией (треть студентов в числе приоритетных партнеров назвали еще и США). На российский бизнес надеются лишь 10% сибиряков. Это говорит о фактически окончательно оформившемся расколе единого социального пространства страны — прямо по Уральскому хребту. Тем более что с западной стороны гор, судя по этому же опросу, тоже не воспринимают Сибирь и Дальний Восток как центры интенсивного развития, ставя их в конец списка перспективных регионов страны[5].

Таким образом, мы явно наблюдаем следующие тенденции. На фоне политики федерального центра, сконцентрированной в последние годы на фактически вывозе ресурсов с территории Урала, Сибири и Дальнего Востока, формируется резко негативная социальная реакция в виде формирования местных региональных идентичностей, в том числе, и сибирской. Сибирская идентичность поддерживается широким слоем «обычных» людей, которые, к тому же, воспринимают жителей европейской России как эксплуататоров местных ресурсов, самодовольных, бессердечных, подлых, продажных и жадных людей. На этом фоне в европейской части страны продолжается закрепление образа Сибири как малообразованной и некультурной окраины страны. Более того, говоря о перспективах раз-

вития макрорегиона, жители Сибири и Дальнего Востока связывают свои надежды вовсе не с остальной Россией, а с зарубежным бизнесом (прежде всего, китайским, японским и американским), полагая, что его проекты будут иметь гораздо более позитивные последствия, нежели политика федерального центра. А в самой европейской части страны с этим вполне согласны, и не считают Зауралье перспективной территорией развития.

Перечисленное характеризует фундаментальные процессы, происходящие в российском социальном пространстве. Де-факто можно констатировать, что единой России в восприятии большинства населения больше не существует – но есть обособленные социальные группы с различными интересами и взаимной неприязнью. Это, несомненно, сыграет негативную роль в процессе развития российской государственности.

Библиографический список

1. Анисимова А., Ечевская О. Сибиряк: составляющие образа/особенности идентичности. URL: http://www.fesmos.ru/netcat_files/userfiles/Ru_Persp_Sibirjak_ru.pdf (Дата обращения 14.07.2012).
2. Жигунова М.А. Разные, но вместе // Эксперт-Сибирь. 2011. №50. URL: <http://expert.ru/siberia/2011/50/raznyie-no-vmeste/?n=87778> (Дата обращения 14.07.2012).
3. Итоги всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (Дата обращения 14.07.2012).
4. Михайлов В.И. Все мы немного сибиряки // Эксперт-Сибирь. 2011. №50. URL: <http://expert.ru/siberia/2011/50/vse-myi-nemnogo-sibiryaki/> (Дата обращения 14.07.2012).
5. Сибирь и Дальний Восток: «забытый край» или «локомотив развития»? (результаты опроса ВЦИОМ). URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112841> (Дата обращения 14.07.2012).
6. Сибиряки предпочитают жить и отдыхать «на своей территории». URL: <http://www.infoskan.ru/news/3132864/> (Дата обращения 14.07.2012).

Шуб М. Л., Челябинск

Актуализация исторической памяти: к вопросу о востребованности услуг современного музея в российских провинциальных городах

Аннотация

В статье приводятся результаты социологического исследования, направленного на выявление содержания и специфики художественных запросов населения промышленных городов Южного Урала (Челябинск, Сатка, Златоуст, Миасс). Особый акцент делается на данных относительно востребованности услуг, предоставляемых провинциальными музеями, на месте музея в структуре досуговых предпочтений респондентов, мотивационных характеристиках посещения/непосещения музеев и пр.

Ключевые слова: художественные запросы, историческая память, музей, востребованность современного российского музея

Сегодня проблема сохранения, интерпретации, актуализации и трансляции исторического, культурного опыта, в том числе и посредством музея, является достаточно значимой. В последнее время, на фоне невероятно быстрых темпов обновления ценностного и артефактного содержания современной культуры, на фоне сложных процессов взаимодействия традиционного и новационного, глобального (интернационального) и локального (национального) всё острее встаёт вопрос о сохранении культурной идентичности, о консервации национального ядра культуры, о нормализации функционирования механизмов социокультурной преемственности. В реализации указанных механизмов и процессов во всём мире немалую роль традиционно играет наряду с другими институциями и музей.

К настоящему моменту уже издано достаточно большое число работ, посвящённых анализу актуального состояния российской музейной сферы: с позиции её экономического положения, технологического оснащения, полноты и качества использования инструментария маркетинга и связей с общественностью и пр. Практически все авторы совершенно справедливо указывают на сложное положение, в котором оказались музеи в нашей стране, и на высокую степень их значимости в реализации всех процессов,

о которых мы говорили выше. То есть складывается ситуация, когда констатируется объективно высокая социокультурная и историческая роль музея, однако при этом вопросы, связанные с определением реального уровня востребованности музейных услуг, оказались за границами исследовательских интересов. Поэтому нам представляется столь важным изучение данного вопроса в контексте фиксации общественного мнения жителей провинциальных городов, традиционно воспринимаемых как промышленные.

В течение 2011 года кафедрой культурологии и социологии Челябинской государственной академии культуры и искусств при поддержке Министерства культуры Челябинской области было проведено социологическое исследование на основе метода анкетного опроса, посвящённое в целом изучению художественных запросов населения Челябинской области, и в частности степени заинтересованности жителей региона в услугах, предоставляемых музеями, месте посещения музея в структуре досуга горожан, причин существующего уровня посещения ими музея и др. В качестве респондентов (их численность составила 1100 человек согласно квотной выборке) были выбраны жители малых провинциальных городов (Миасс, Златоуст, Сатка) и крупного промышленного города-миллионника (Челябинск).

Более подробно и полно результаты исследования изложены в коллективной монографии «Социокультурный потенциал Южного Урала» [1]. В настоящей же статье мы остановимся лишь на тех аспектах исследования, которые касались изучения музейной сферы.

В целом, как показали результаты анкетирования, в структуре досуговых предпочтений респондентов доминируют «домашние» виды отдыха [1, с. 219]. Досуговые формы, связанные в целом с посещением учреждений культуры (не только музеев) по степени популярности занимают заключительные места в списке предложенных форм проведения свободного времени. Выявленная ситуация в большей степени связана не с отсутствием свободного времени на посещение музеев, выставочных залов и галерей (во всех городах среди опрошенных не более 3,2% отметили, что не располагают свободным временем для организации собственного досуга), а с достаточно низким уровнем мотивации к их посещению.

Что касается роли конкретно музеев в данной системе предпочтений, то она является довольно устойчивой во всех городах, однако чрезвычайно скромной. Для жителей Челябинска и Златоуста музеи находятся на восьмом месте по востребованности (9,2% и 7,8% соответственно), для Сатки – на седьмом месте (7,2%) для Миасса – на девятом (7,7%). При этом общий низкий уровень популярности музеев как вида отдыха не коррелируется с количеством самих музейных учреждений (в Челябинске их 12, в Златоуста – 1, в Сатке – 2, в Миассе – 2). В данном случае, вероятно, речь идёт о существующем весьма негативном стереотипе музея. Однако хочется заметить, что в Челябинске и Сатке музей в рейтинге популярности опередили такие места отдыха, как бары и рестораны, которые, к слову сказать, заняли в этом рейтинге девятое (5,7%) и восьмое (4,4%) места соответственно.

Многие исследователи отмечают, что основными конкурентами современного музея являются интернет и телевидение, а также разного рода формы развлекательного досуга. В условиях актуальной действительности, когда свободного времени становится всё меньше, а уровень требований к его проведению всё повышается, человек ищет гарантированно приятных и интересных для себя досуговых форм, избегая форм рискованных. В настоящее время в российском, особенно провинциальном сознании музей в целом по-прежнему ассоциируется с чем-то скучным и малопривлекательным, а значит и с рискованным способом проведения досуга (деньги, и что самое главное – время будут потрачены, а гарантия получения удовольствия чрезвычайно мала). Такая тенденция является общемировой, однако в Европе, США, российских столичных городах она постепенно преодолевается, разрушается инерционный стереотип музея как учреждения, хранящего древности и прочие артефакты, представляющие интерес для истории, но не для обычного человека. В провинции ситуация качественно иная – подобный музейный стереотип не только не разрушается, но часто со временем и усиливается. Этим и объясняется выбор реципиентов в контексте организации собственного свободного времени.

Говоря о мотивации посещения или не посещения учреждений культуры, в том числе музея стоит сказать, что в определении приоритетных причин респонденты продемонстрировали наличие известной степени противоречивости в своих ответах. Дело в том, что в качестве основной проблемы, не позволяющей им чаще, чем получается реально, посещать учреждения культуры, они назвали недостаточное количество денег («если бы было больше денег»; Челябинск и Златоуст – 43,4%, Сатка – 33,8%, Миасс – 29,8%). Тогда как в структуре предпочтений на лидирующих позициях находятся те объекты инфраструктуры отдыха и досуга (рестораны, бары, кинотеатр, концертные залы, ночные клубы и пр.), посещение которых является достаточно затратным. Тогда как наиболее бюджетные формы отдыха, в том числе посещение музея, остаются за границами основных интересов реципиентов. Для сравнения – средняя стоимость билета в музей по Челябинской области составляет 40 рублей, а в кинотеатр – 170 рублей (на 2010 г.). Истинная причина сложившейся ситуации нам видится в том, что для реципиентов все виды «лёгкого», развлекательного, необременительного, интересного отдыха, не связанные с мыслительным или духовным напряжением заведомо предпочтительнее форм проведения досуга, ориентированных на получение нового знания, на саморазвитие или на творческую самореализацию. Это не плохо и не хорошо – это диагноз времени, особенности развития которого диктуются законами массовой культуры, культуры, доставляемой к потребителю в готовом виде, так сказать «на дом». И складывается впечатление, что мировые тенденции в области музейного дела не совсем сопоставимы с реалиями российской провинции. Вспоминая исследование, проведённое К. Скоттом в Австралии, хочется напомнить, что подавляющее число опрошенных выразили убеждённую уверенность в том, что поход в музей – это хорошая форма досуга. Проблема в том, что

просто хорошая, а не *лучшая*. Материалы же исследования, проведённого нами, показывают иное — музей предстаёт в качестве одного из самых не востребуемых объектов для проведения свободного времени.

Среди возможных стимулов к дополнительному посещению учреждений культуры респонденты назвали повышение разнообразия предоставляемых услуг. Однако, как будет показано ниже, степень осведомлённости о содержании текущего репертуара и выставочной деятельности у опрашиваемых в целом очень низкий, поскольку они с трудом смогли назвать наиболее громкие события в культурной жизни их города, значимые выставки и пр.

Следующей «преградой» на пути более частого посещения музеев, по мнению респондентов, является недостаточно удобное их месторасположение и время работы: 13,8% (Челябинск), 11,8% (Златоуст), 8,8% (Сатка), 9,6% (Миасс). Фактор недостаточно удобного местоположения учреждений для большого города довольно значимый (большие расстояния, пробки и пр.). Однако для небольшого населённого пункта, как, например, Сатка, Миасс и Златоуст, — он представляется весьма сомнительным. Что касается времени работы — клубы по интересам, музеи, клубные учреждения (наименее популярнее формы досуга), действительно, в плане времени работы могут представляться недоступными для многих реальных или потенциальных посетителей (хотя почти все из этих учреждений работают в выходные дни).

В качестве промежуточного анализа полученных результатов, в частности относительно факторов привлекательности/непривлекательности учреждений культуры, хочется сделать небольшой промежуточный вывод. Самые популярные из них (отсутствие достаточных финансовых средств, нехватка свободного времени, неудобное месторасположение и место работы учреждений) носят в целом объективный, внешний по отношению к респондентам характер, снимающий с личности персональную ответственность за сделанный выбор. Отсутствие достойной зарплаты, большой объём расходов на самое необходимое, высокий темп жизни и профессиональная загруженность, а также неудобное время и месторасположения учреждений культуры, музеев в том числе — вот, что в сознании анкетируемых останавливает актуализацию их художественных запросов. Однако, как мы уже говорили выше — это своего рода самообман. Наряду с тем, что в обществе существует устойчивый негативный стереотип относительно музея, существует и другой, доставшийся нам от советского времени, уже положительный стереотип относительно сферы культуры в целом и конкретных учреждений в частности. Быть культурным всё ещё пока лучше, чем быть бескультурным. Само слово «культурный» несёт в себе подтекст образованности, воспитанности, грамотности, интеллигентности. То есть открыто продекларировать (хоть и в анонимной анкете) о том, что музеи, театры, библиотеки и т. п. остаются за бортом индивидуальных предпочтений по причине сознательного выбора личности, многие не решаются. Легче признать этот факт с оговоркой на существование объективной причины такой ситуации (основные причины были рассмотрены нами выше). Интересно, что пожелание модернизации учреждений сферы культуры, то есть, по сути, неудовлетворённость самим **содержанием** их деятельности, выразили в среднем не более 10% опрошенных.

По поводу основных доминирующих мотивов посещения музеев можно сказать следующее. Наиболее популярными из них были «уход от повседневности» и «потребность в развлечении и получении удовольствия». При этом данные мотивы получили примерно равную популярность, как среди жителей Челябинска, так и среди жителей Златоуста, Сатки и Миасса. В сознании большинства современных людей отдых, досуг ассоциируется именно со сферой развлечения, а его виды — с получением максимально возможного удовольствия. И удовольствие, как правило, трактуется в гедонистическом, а не в духовном аспекте. При этом функция развлекательности, зрелищности, требования гарантированного и желательно быстрого получения положительных эмоций распространяется на всю сферу культуры в целом, в том числе и на те её подразделения, которые изначально эти функции не выполняли, в частности — на музей. Ещё раз отметим, что те мотивационные показатели, которые были нами зафиксированы по результатам исследования — это примета времени, общемировая тенденция, на которую западные музеи уже давно начали реагировать.

Если говорить об объектах, на которые посетители музея прежде всего обращают внимание, то здесь приоритеты распределились в целом следующим образом: тематика и содержание (Челябинск — 30,7%, Златоуст — 39,4%, Сатка — 40,5%, Миасс — 36,9%) на первом месте, известные имена исполнителей (Челябинск — 20%, Златоуст — 19%, Сатка — 22,2%) — на втором. При этом третья (а в Миассе — вторая) по популярности позиция соответствовала спонтанному принятию решению. Это, с одной стороны, свидетельствует об ориентации потребителей музейных услуг на «громкие», известные, общеизвестные имена, что распространяется и на содержание этого продукта, и на его исполнителя. А, во-вторых, — о достаточно низкой степени сформированности устойчивых потребительских предпочтений и вкусов в сфере музейных предложений.

Хотелось бы отметить и ещё один факт, прослеживающийся в показателях практически всех таблиц — низкая степень информированности об учреждениях культуры и искусства, в том числе и о музеях. Однако это не связано с дефицитом информации как таковой. Наиболее распространённым ответом на вопрос о степени удовлетворённости предоставляемых сведений, большинство реципиентов ответили «информации вполне достаточно, я получаю все необходимые сведения о культурных событиях»: Челябинск (25,5%), Златоуст (29,6%), Сатка (38,3%), Миасс (24,6%). Но при этом почти четверть опрошенных ответила на этот же вопрос — «я не слежу за этой информацией и поэтому не могу ей оценить» и «затрудняюсь ответить».

Низкая компетентность в сфере музейного предложения объясняется, скорее всего, факторами, о которых мы уж упоминали — отсутствием устойчивого мотива к личностному общекультурному просвещению и, соответственно, отсутствием предпринимаемых в этом направлении действий. Отсутствие или потеря стабильного, осознанного, принимаемого в качестве значимого опыта приобщения к культуре в её самых разнообразных проявлениях приводит к несформированности или угасанию

потребности приобщения к достижениям мировой и отечественной истории и культуры. Как писал К. Хандсон, «поход в музей — это своего рода привычка. Её закладывают в детстве родители, приводя ребёнка в музей. Если родители этого не сделали, задача приобщения человека к пространству музея ложится на плечи общества» [2, с. 66].

Хотелось бы упомянуть ещё один момент, связанный со структурой предпочтений респондентов в контексте предоставляемых музеем услуг. Наиболее предпочтительными видами искусств и художественных направлений стали фотография (Челябинск — 29,8%, Златоуст — 53,9%, Сатка — 51%, Миасс — 43,9%) и реалистическая живопись и декоративно-прикладное искусство (Челябинск — 20,7%, Златоуст — 20,3%, Сатка — 34,4%, Миасс — 20,8%). Стоит отметить тот факт, что эти виды искусства являются наиболее простыми для восприятия даже самым неподготовленным зрителем в силу своей сюжетности, а значит и предельной понятности. Теми же характеристиками отличается и декоративно-прикладное искусство, тесно связанное с повседневной практикой, а, следовательно — близкое обычному человеку.

Что касается основных направлений совершенствования работы музеев, указанных реципиентами, то наибольшего внимания, по их мнению, заслуживают ремонт фасадов зданий и улучшение их внешнего вида (первое место), их материально-техническая укомплектованность (второе место), а также ценовая политика и совершенствование их интерьеров, повышение удобства и комфортности для посетителей (третье место). То есть, анализируя полученные результаты, можно заметить, что претензий к собственно содержанию деятельности музеев у населения практически нет. Недовольство реципиентов сводится к внешним характеристикам работы учреждений (цены, плохое состояние помещений и пр.). Подобная ситуация может свидетельствовать о двух моментах. Во-первых, о вполне удовлетворительной деятельности музейной сферы, во-вторых, (что более вероятно, учитывая данные, проанализированные выше) о низкой степени компетентности реципиентов в знании специфики и содержания деятельности музеев (реципиенты не могут оценить собственно их деятельность в силу того, что они с этой деятельностью крайне плохо знакомы).

Делая вывод об основных результатах проведённого исследования, хочется сказать следующее. Ситуация в плане современных провинциальных музеев, впрочем, как и в плане в целом учреждений культуры, достаточно сложная. Согласно статистике на каждую тысячу населения приходится только 157 человек (чуть более 15% населения) — посетителей музеев. При этом, конечно, важен даже не сам по себе акт прихода в музей, а его эмоциональная окрашенность. Как показало исследование, уровень востребованности музея как института сохранения коллективной исторической памяти и как места реализации досуговых предпочтений населения в Челябинской области чрезвычайно низок, в отличие от высокого уровня востребованности музея в Европе, Америке, Австралии. Проблемы, с которыми сталкивается музей в России и на западе являются по большому счёту проблемами одного порядка, да и способы их решения — тоже. Разница

заключается в том, что, во-первых, западные музеи уже довольно давно начали прислушиваться к вновь возникающим потребностям посетителей и в целом успешно осуществляют постепенную трансформацию музея, соответствующую изменяющимся реалиям времени. Во-вторых, посетители музея на западе, сохраняя достаточно высокий уровень оценки его социальной значимости как института, оценивая его как хорошее место для проведения свободного времени, желали бы, чтобы это место стало лучшим. Однако следует понимать, что посещение музея как вид деятельности принципиально отличается от посещения кинотеатра, зоопарка или спортивных соревнований. Прийти в музей и получить от этого удовольствие, заинтересоваться увиденным сможет далеко не каждый человек. Для этого требуется определённый уровень интеллектуальной или хотя бы эмоциональной (мотивационной) готовности. То есть, с одной стороны, человек – посетитель музея – должен быть настроен на получение новой информации, на приобретение новых знаний и впечатлений, на их дальнейшее закрепление и осмысление. С другой стороны, музей должен за счёт некоторого усиления развлекательности, интерактивности, инновационности, преодоления элитарности (но, ни в коем случае не превращаясь в досуговый комплекс) стимулировать в посетителях этот настрой, мотивировать их на посещение выставок и экспозиций. То есть процесс преодоления существующих проблем должен быть процессом двунаправленным – от музея к посетителю и от посетителя к музею.

Библиографический список

1. Бетехтин А. В., Зубанов Л. Б., Синецкий С. Б., Шуб М. Л. Социокультурный потенциал Южного Урала: вызовы времени и ориентиры культурной политики / науч. ред. В. С. Цукерман. – Челябинск: Энциклопедия, 2011.
2. Хадсон К. Влиятельные музеи / пер. Л. Мотылев. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.

Никитина Б. А., Щукина Н. П., Самара

Когда поле легкодоступно: к вопросу о каркасе методологии общественной экспертизы

Аннотация

В статье рассматриваются методологические проблемы общественной экспертизы ключевых финансовых документов субъектов социальной политики - главных распорядителей бюджетных средств. Основное внимание уделяется практикам участия социологов в публичных слушаниях по бюджету одного из регионов страны, относимого традиционно к регионам модернистам. Предлагается авторский подход к методологии общественной экспертизы обозначенных выше документов, базирующийся на обобщении практик участия в данном процессе периода 2007-2012 гг.

Ключевые слова: публичная социология, социальная политика, общественная экспертиза, методология, рефлексивная социология

Побудительным мотивом к написанию данной статьи стала неудовлетворенность эффективностью сложившихся практик нашего взаимодействия на поле социальной политики с представителями региональных органов власти, управления и НКО. В рамках этих практик нами был сформулирован ряд онтологических и гносеологических проблем:

- Чьи интересы реализуются при формировании и осуществлении региональных программ, какие фактически социальные группы удовлетворяют свои потребности за счет реализации данных программ?
- Как изменяются в пространстве и времени практики взаимодействия этих групп? И изменяются ли?
- Какие роли берут на себя социологи, участвуя в соответствующих практиках, насколько реализован на региональном уровне потенциал публичной социологии?
- Насколько освоены региональными органами власти, представителями гражданской и научной общественности диалоговые стратегии взаимодействия? Насколько ими востребован реальный диалог?

- Каковы, наконец, в условиях регионализации социальной политики сложившиеся практики публичной социологии, ее потенциал в аспекте становления новой социальной политики, провозглашенной Стратегией 2020?

Перечисленные выше вопросы связаны, на наш взгляд, с низким уровнем развития гражданской культуры, отражающим состояние гражданского общества, включающего также уровень развития публичной социологии в современной России. Заметим, что для нас в рамках продолжающейся дискуссии о сути публичной социологии последняя — это реализация общественной роли данной науки, доступность ее информации широким слоям населения, демонстрация ее значимости и полезности для большинства, использование результатов в процессе управления на всех уровнях организации общества.

Подчеркнем, что данная статья представляет собой рефлексию взаимодействия с ГРБС¹ Самарской области, как одного из регионов страны, обозначенного в свое время не иначе, как «Россия в одну треть величины». Авторы статьи, являясь общественными экспертами по бюджету трех региональных министерств, обобщают практики участия в публичных слушаниях по бюджету данного региона периода 2007-2012 гг. Заметим, что согласно Бюджетному кодексу РФ, общественная экспертиза — обязательный инструмент оценки эффективного расходования бюджетных средств, механизм диалога власти и общества в контексте преодоления неэффективной социальной политики.

Толчком к появлению статьи стали результаты ежегодных обсуждений итогов общественных слушаний по бюджету региона, оцениваемые экспертами достаточно критично по причине фактического неприятия ГРБС рекомендаций, изложенных в заключениях экспертов по эффективности расходования бюджетных средств этими ГРБС.

Цель статьи — в постановке ряда вопросов, обсуждение которых способствовало бы, на наш взгляд, движению науки, государства и гражданского общества к реальному диалогу, посредством мобилизации потенциала публичной социологии.

Несмотря на то, что сегодня социальная сфера пребывает под контролем профессионалов, уяснивших основы академической социологии и верящих в превосходство своего знания и применяемой ими методологии, развитие рефлексивной социологии могло бы способствовать как развитию самой науки, так и активизации общественности [1]. Такая активизация в обществе, где выражено отчуждение населения от власти, велики силы инерции, боязнь перемен, нежелание задумываться о будущем, даже не столь отдалённом, наряду с растущим осознанием многих негативных факторов, замедляющих или останавливающих динамику развития страны [2, с.290], крайне важна. На это указывает и тот факт, что в проекте Стратегии социально-экономического развития Самарской области на

---

¹ ГРБС - главный распорядитель бюджетных средств — орган государственной власти, распределяющий средства бюджета субъекта Российской Федерации.

период до 2030 г., активно обсуждаемом сегодня в экспертном сообществе, в числе важнейших задач названы «разработка действенных форм диалога» и ведение «активного диалога власти, бизнеса и общества» [3, с.98-99].

Подчеркнем, что своеобразие реформируемого российского общества, многогранность, противоречивость и, порой, парадоксальность данного процесса, а также связанное с этим разнообразие научных дефиниций, описывающих эту реальность, позволяют заключить, что любая методология экспертизы эффективности расходования бюджетных средств может быть оспорена, тем более общественной экспертизы. Поэтому определяя свою позицию в данном вопросе, сформулируем принципы, лежащие в основе нашего подхода к такой экспертизе. Тем самым зададим границы, в которых и возможно, на наш взгляд, использование авторского подхода. В качестве основания нашей методологии воспользуемся положением П.Фейерабенда о том, что определение авторского подхода – это не только формулирование принципов, лежащих в его основе, но и рефлексия по поводу некоторой иррациональности правил, определяемых исследователем в качестве фундаментальных. «Как легко рациональным образом водить людей за нос», - восклицал в этой связи ученый [4, с. 164].

Резюмируя сказанное выше, первый принцип нашей методологии обозначим так: общественная экспертиза расходования бюджетных средств (далее - ОЭРБС) может быть осуществлена в соответствии с разными правилами ее видения. Применение непрошибаемой методологии в этой связи означает утрату мира явлений, для изучения которого и разрабатывается данная методология [5, с.151]. Иными словами, в качестве первого основания нашего подхода выступает отказ от сведения методологии ОЭРБС к единственно правильному варианту. Заметим, что в ходе общественных слушаний мы не раз, особенно в первые годы участия в описываемых практиках, слышали от ГРБС призывы руководствоваться едиными принципами, заявленными де в Бюджетном кодексе, согласно которому, и запущен в стране механизм общественных слушаний. Речь идет о том, что ГРБС на слушания выносят фактически описание передвижения денежных средств по реализуемым программам, годам их осуществления и по статьям содержания разного рода учреждений региона, при этом основным критерием эффективности является определение доли потраченных и полученных в отчетный период средств. Однако суть бюджетной экономии и содержание деятельности ГРБС при такой технике измерения эффективности выпадают из фокуса реального обсуждения. Аналогичное мнение высказывают эксперты Счетной палаты, указывая на неэффективное расходование бюджетных средств, и им фактически вторят эксперты «Стратегии-2020» в части обсуждения законов об общественном (гражданском) контроле и общественной экспертизе. Более того, в послании Президента РФ о бюджетной политике в 2013–2015 гг. акцент сделан на необходимости отказа от сложившихся практик измерения исполнения бюджета «лишь фиксацией расходования средств на те или иные цели» [6]. Критерием должно стать достижение целей социально-экономической политики, на финансовое обеспечение которых и направляются бюджетные средства [6]. Более того,

ставится задача измерения динамики эффективности расходов с публичным рассмотрением отчетов ГРБС [6]. В этом контексте ГРБС не могут не считаться сегодня с необходимостью проведения ОЭРБС не на чисто формальных основаниях.

Вместе с тем оценка расходования бюджетных средств не может быть единой для всех, поскольку субъект, будь то представитель ГРБС или общественный эксперт обязательно должен понять анализируемый текст, в нашем случае реестр расходных обязательств ГРБС, где и размещается вся информация о движении денежных средств за отчетный период. В процессе же понимания он должен восстановить ситуацию - это движение денежных средств в представлении. Здесь важно подчеркнуть множественность и возможное разнообразие элементов восстанавливаемой ситуации. Это могут быть определенные практические или мыслительные действия, материальные элементы ситуации, сам говорящий, его деятельность и т. д. Словом, понять текст - это значит воссоздать определенную сетку или систему связей между текстом и чем-то другим, и эта система связей может совпадать с тем, что озвучивается другими, а может и не совпадать. Эта сетка связей, образующая смысл, может быть какой угодно. Характер этой сетки всегда будет определяться тем, в какую систему связей и в какую ситуацию деятельности включает себя тот, кто получает и должен понять текст.

Иными словами, методология анализа расходования бюджетных средств, как и любая другая, повторим это вновь, не может быть единой для всех. Вместе с тем принципы, лежащие в ее основе определяются нами и могут в этой связи формулироваться таким образом, дабы быть принятыми всеми участниками анализируемого процесса как значимые для них, тем более в случае, когда мы, общественные эксперты, позиционируем себя как публичных социологов. И тогда проблема участия экспертов в общественных слушаниях как бесспорно значимая для самих ГРБС становится решаемой.

В этой связи обозначим следующий в нашем перечне – второй – принцип разрабатываемой методологии: методология ОЭРБС должна быть применяемой, полезной [7, с.485]. Сама по себе она не самоцель. Она должна быть легко воспроизводимой, ибо осуществляется с помощью известных методов и приемов. Методы же – средства экспертизы, и их полезность зависит от способности отвечать на поставленные в экспертизе вопросы, определяемые в свою очередь особенностями этой экспертной деятельности. В силу сказанного возникает ряд вопросов. Полезной должна быть общественная экспертиза для кого? И в чем суть этой общественной экспертизы? Отвечая на эти вопросы важно сосредоточить внимание на первой или второй составляющей данного понятия, или на обеих и сразу? Возможно ли это? Если идти от практик функционирования института общественной экспертизы, то акцент важно делать на том, что это *общественная* экспертиза. И тогда социолог – *общественный* эксперт – призван вооружаться, прежде всего, методами экспертной деятельности доступными и понятными любому участнику, как данной деятельности, так и других представителей гражданского общества, участвующих в ходе

общественных слушаний. Именно к такой постановке вопроса и вызывает текст обозначенного выше послания Президента РФ, где постулируется необходимость обеспечения понимания населением проводимой государством политики. Обеспечение такого понимания — залог обеспечения доверия к власти и реального участия представителей гражданского общества в осуществлении этой политики [6].

Однако практики участия в ОЭРБС свидетельствуют, что акцентация внимания социологами — общественными экспертами — на первой составляющей анализируемого понятия — *общественной* экспертизы — усложняет проблему взаимопонимания с ГРБС. Иными словами, общественный эксперт пребывает в ситуации дилеммы: каким языком воспользоваться, беря нить общения в свои руки? Эта дилемма, на наш взгляд, красной нитью проходит как через материалы ОЭРБС, так и материалы панельных дискуссий по проекту региональной Стратегии социально-экономического развития на период до 2030 г. [8]. Так, если общественный эксперт на слушаниях по бюджету, анализируя динамику зарплаты педагогов региона, прибегает к использованию текстов профсоюзов, озвученных ими в ходе акций, направленных на повышение зарплаты работников сферы образования, то этот эксперт — в зоне критики министерства образования, поскольку воспользовался он данными не официальными. Кстати сказать, акции эти проходили буквально накануне обозначенных выше слушаний. Если же общественный эксперт прибегает к использованию профессиональных терминов, как это было на панельных дискуссиях по названному выше проекту Стратегии региона, то «уличается» в увлечении терминами во вред ходу дискуссии. Заметим, примеров такого рода дилемм накопилось за три года освоения статуса общественного эксперта немало. Словом, важно определиться с серьезной проблемой не только теоретического, но и практического свойства: что для нас общественная экспертиза? Можно рассматривать ее «проводимое специалистами (экспертами) исследование, включающее диагностику состояния социального объекта, установление достоверности информации о нем и окружающей его среде, прогнозирование его последующих изменений и влияния на другие социальные объекты, а также выработку рекомендаций для принятия управленческих решений» [9, с.15]. Но здесь присутствует явное противоречие: в определении акцент сделан на мнении специалистов, профессиональном анализе и не рассматривается вопрос учета и презентации мнения широкой общественности, понятие которой является крайне размытым. Сам термин «широкая общественность» предполагает наличие в ней самых разных групп интересов, объединить и представить которые на слушаниях достаточно сложно.

Ключевым вопросом является определение того, что такое социальные интересы? И здесь необходимо, прежде всего, некоторое согласие в определении сути социального, о сложности чего говорил в свое время М.Вебер. Ученый подчеркивал, что значение понятия «социального» носит в большинстве случаев «достаточно неопределенный характер» [10, с. 365]. Усложняет ситуацию использование данного термина в связке с другим: интересы.

Иначе говоря, реализация второго из сформулированных нами принципов методологии ОЭРБС (методология должна быть применяемой, полезной для всех участников ОЭРБС) возможна при условии постоянной саморефлексии эксперта. При этом, если рефлексия – это стремление понять за другое лицо, способность понять что думают другие лица, то саморефлексия, согласно Г.П.Щедровицкому, и мы разделяем эту точку зрения, это взгляд со стороны, на себя, так сказать, идущего по улице.

Таким образом, если общественному эксперту дано это искусство саморефлексии, то и освоение анализируемого принципа ОЭРБС ему по силам. Здесь мы подошли к очень важному не только в изучаемом контексте, но и в аспекте развития современной социологии вопросу рефлексивного отношения к познанию, которое и являет собой суть нашей методологии ОЭРБС. С одной стороны такое отношение сегодня - дежурное требование» методологии социальной науки в целом [11]. «Если социолог претендует на объяснение того, как протекает процесс познания и как в итоге получается определенное содержание, ему следует выявить социальную обусловленность и ограниченность собственного знания. Рефлексивная социология требует, чтобы социологи прекратили считать «субъект» и «объект», социологов, которые изучают, и «профанов», которых изучают двумя разными породами людей. «Существует только одна порода людей», – постулирует в этой связи А.У.Гоулднер [12, с. 547]. В силу сказанного, в качестве каркаса разрабатываемой методологии ОЭРБС предлагается методологический монизм, согласно которому эксперт – «простой смертный». Он по необходимости изменяет других, и другие изменяют его запланированным и непредвиденным способом во время его усилий познать их. Познание и изменение – различаемые, но неотделяемые друг от друга процессы. Важно не уничтожить влияние эксперта на других, а понять это влияние, для чего требуется осознание экспертом себя одновременно и как познающего, и как приносящего изменения. Эксперт не может познавать других, не познавая себя, не рефлексировав по поводу того, что он делает. Методологический монизм воплощает в себе критический подход к традиционной концепции об ограниченной роли ученого, в нашем случае эксперта, который должен быть «без плоти и крови» [12, с. 553]. Методология экспертной деятельности в этой связи – это сложная деятельность, проектирующая, конструирующая, познающая и критикующая самою себя. Иначе говоря, это рефлексировавшая рефлексия [7, с 487]. Если номинальная цель любого научного предприятия - расширить знание о какой-либо области мира, то в этой связи возникает серьезный вопрос о сути данного знания: знание - это «информация» или «осознание»? [12, с.548]. Если для нас субъект и объект познания являются не только взаимосвязанными, но и конституирующими друг друга, то познание социального мира - не есть просто открытие неких вечных фактов, не просто результат наблюдения внешнего мира, но и открытие себя самого изнутри.

Не существует знания о мире, которое не было бы знанием о нашем собственном опыте по изучению мира и о нашем отношении к нему. В конечном счете, если общественный эксперт желает изменить то, что

он знает, он должен изменить свою практику [12, с. 550]. Иначе говоря, если этот эксперт желает повышения эффективности расходования бюджетных средств региона, и в этих целях готовит свое заключение, то дабы данное заключение было принято ГРБС как руководство к действию, он должен изменить свое поведение в ходе ОЭРБС, как и в период подготовки и проведения этой экспертизы. Таким образом, ключевой принцип нашей методологии считаем возможным сформулировать так: ОЭРБС – не просто исследование. Это постоянное пребывание эксперта в состоянии такой самооценки, которая дает возможность личности эксперта быть открытой для «враждебной информации» других участников общественных слушаний. ОЭРБС – это не проблемы расходования бюджетных средств, и даже не техники и инструменты, используемые в ходе написания и презентации экспертом своего заключения по данному расходованию. ОЭРБС – это та взаимосвязь, которая устанавливается экспертом между тем, что значит быть социологом и тем, что значит быть человеком, между ролью и исполняющей ее личностью. Это взаимосвязь, базирующаяся на понимании ограниченности независимости общественного эксперта социальными интересами, во имя которых он действует, с одной стороны, с другой, – «достойным подчинением» ГРБС, цель которого – не в притуплении сознания социолога, а в понимании фундаментального в контексте развития публичной социологии парадокса, а именно: максимальные возможности для этого развития предоставляют как раз те, «кто наиболее извращают ее стремление к знанию» [12, с.555].

Резюмируя сказанное выше относительно каркаса нашей методологии ОЭРБС, скажем так: если наша экспертиза осуществляется в рамках публичной социологии, то каркасом методологии этой экспертизы будет готовность социолога подвергать себя постоянно риску работы с «враждебной информацией», осознание идеологического значения и политического резонанса общественной экспертизы, социологической работы в целом [12, с 556].

Сказанное выше, в принципе, – не новация в профессиональном сообществе. Однако вопрос о том, как включать саморефлексию в практики участия общественных экспертов в ОЭРБС, остается достаточно сложным, уже в силу того, что и в профессиональном сообществе этот вопрос остается открытым [13, с. 96-117]. В конечном счете, завершая свои размышления о каркасе методологии нашего участия в практиках ОЭРБС и связывая данный каркас с саморефлексией общественного эксперта, что в аспекте публичной социологии переоценить не представляется возможным, подчеркнем значимость учета практической позиции, в которой находится этот эксперт: позиции участника/наблюдателя. Причем от общественного эксперта требуется большое искусство в сочетании этих ролей, о чем мы вели уже речь, определяясь с тем, что для нас общественная экспертиза. Понимание сложности данной дилеммы – участник/наблюдатель, безусловно, возможно только при хорошем уровне знакомства как с объектом деятельности – экспертируемыми документами, так и партнерами, именно партнерами, по соответствующей деятельности. Наряду с этим не менее важно уверенное владение ключевыми для исследуемой деятельности

понятиями. Повторим, владение не означает использование в экспертной деятельности, тем более в выступлении с трибуны публичных слушаний, этих понятий. Иначе говоря, общественный эксперт всегда находится в неопределённом и неясном для самого себя состоянии между двумя установками: между действительностью и недействительностью. И победитель в таком случае не тот, кто пытается предупредить такую неопределенность, а пытается вступить с ней в союз, памятуя о невозможности преодоления того, что таковому не подлежит. Именно это состояние «между», кстати сказать, и есть основное условие существования рефлексивной социологии в целом, ОЭРБС в частности [13, с. 115]. Подчеркнем, что, на наш взгляд, целый ряд технических аспектов такой саморефлексии, можно заимствовать в «Беседах о двух новых механиках» Г.Галилея, представляющих собой классический образец результатов методологической работы. В данном труде великий ученый искал методы решения, не описывал, а искал их [14]. Методология, по его мнению, это следы деятельности. И мы должны их особым образом понять, осмыслить, а затем употребить в своей собственной деятельности. Иначе говоря, для нас методология ОЭРБС – это не просто принципы отбора методов данной экспертизы, а рефлексия по этому поводу. Кстати сказать, тексты Г.Галилея представляются значимыми и в аспекте освоения такого искусства, наряду с искусством ведения диалога, иллюстрацией чему служит, в частности следующий фрагмент его текста: «Скажу вам то, что сейчас пришло мне в голову. Выдаю это не за достоверную истину, но за идею, нуждающуюся в развитии и более глубоком исследовании. Посмотрите, не найдете ли вы тут чего-нибудь, что вам понравится; об остальном судите, как вздумается» [14]. Тексты великого ученого насыщены риторическими вопросами, призывом к слушателю вступить в диалог – дискуссию, демонстрацией готовности подвергнуть сомнению свою точку зрения при определенных условиях, не оставаться равнодушным к тому, что выносится на обсуждение.

Именно такое поведение, связанное с постоянной саморефлексией в анализируемом аспекте посредством проблематизации своих текстов, использования целого ряда риторических вопросов, повторения ключевых фраз партнеров по ОЭРБС в виде вопросов и оснований для собственных заключений; ссылки на тексты, значимые для ГРБС, включая законы разного уровня, постановления и указы, реализуемые и разрабатываемые социальные программы стали тем партнерским мостиком, который вырисовывается сегодня в нашем взаимодействии с ГРБС. Сказанное находит свое отражение в появлении инициированных экспертами практик ежегодных круглых столов, семинаров, консультаций и дискуссий с общественностью, проводимых ГРБС до и после ОЭРБС, в привлечении к данному процессу студентов социологов – стажеров – экспертов. Наряду с этим мы, разумеется, призваны помнить, что социальные интересы населения региона – та щука, которая не позволит дремать карасю – общественным экспертам, – призванным все время пребывать в обозначенной выше ситуации «между», в основе которой – понимание того, что существует только одна порода людей и роль эксперта – не прерогатива исследователя.

Библиографический список

1. Ossewaarde M. Sociology back to the publics//Sociology L.,2007. Vol. 41, № 5.
2. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад/Руководители исследования: М.К. Горшков и др. М.: ИС РАН, 2010.
3. Стратегия социально-экономического развития Самарской области на период до 2030 г. Проект // URL: http://economy.samregion.ru/strategy_programm/proekt_strateg/ (Дата обращения 13.07.2012).
4. Фейерабенд П. Объяснение, редукция и эмпиризм // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986.
5. Бергер П. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. – М.: Аспект Пресс, 1996.
6. Бюджетное послание Президента Российской Федерации о бюджетной политике в 2013–2015годах // URL: <http://kremlin.ru/acts/15786> (Дата обращения 13.07.2012).
7. Щукина Н.П. Методология социологического исследования как рефлексивная рефлексия//Контексты социального знания. - Самара: Издательство «Универс-групп», 2005.
8. URL: <http://economy.samregion.ru/events/18.06.2012/51432/> (Дата обращения 13.07.2012).
9. Луков В.А. Социальная экспертиза М.: Институт молодежи, 1996.
10. Вебер М. Объективность социально-научного и социально-политического познания//Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
11. Бурдьё П. Опыт рефлексивной социологии // URL: <http://bourdieu.name/bourdieu-opit-refleksivnoi-sociologii> (Дата обращения 14.07.2012).
12. Гоулднер А.У. Наступающий кризис западной социологии. СПб.: Наука, 2003.
13. Юдин Г.Б. Рефлексивная социология между действительностью и недействительностью// Социологический журнал, 2009, №3.
14. Галилей Г. Математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки // URL: <http://bourabai.kz/galileo/day1.htm> (Дата обращения 12.07.2012).